

ЗАКАТ ЗВЕЗДЫ // ДВОЙНАЯ ИГРА

Ребекка Рассел и Брайен Стюарт

Перевод Ольги Варшавер и Татьяны Тульчинской

Действующие лица:

ФЭЙ БРУК, кинозвезда
РУПЕРТ ГРАНТ, ее агент и продюсер
ДОКТОР ГЕНРИ СИЛЬВЕРМАН, ее психотерапевт
МИССИС ПИЧ, ее экономка и сиделка
ДУГ БРАУН, случайный гость в ее доме
КЛАРА, ее подруга

АКТ I

Конец ноября 1958 года. Гостиная большого загородного дома в штате Вермонт, неподалеку от Ричмонда. В гостиную можно попасть тремя способами: во-первых, через большие двойные двери, которые открываются по центру в глубине сцены и ведут в просторную прихожую, где угадывается парадная дверь – она справа – и лестница, ведущая на второй этаж, – она слева. Во-вторых, справа – ряд французских окон-дверей, которые открываются на террасу; и в-третьих, слева, ближе к авансцене, есть еще одна дверь – она ведет в отдельный коридор. Обстановка напоминает охотничьи домики в Европе: мебель темного дерева, стены обшиты деревянными панелями, но многие детали свидетельствуют о том, что хозяйка дома – кинозвезда. Слева, чуть дальше двери, должен гореть камин. Мебель элегантна, подобрана со вкусом. На сцене буфет со множеством выдвижных ящичков, а также письменный стол с тумбами. Горят несколько светильников, поскольку за окном зимний вечер. Снаружи темно, идет снег, время от времени налетают сильные порывы ветра и французские двери сотрясаются под их натиском.

Сцена первая

В гостиную входит Фэй Брук в шелковой пижаме, на которую накинут халат. Даме сильно за сорок, в руке – бокал. Ее сопровождает Руперт Грант, высокий, красивый, хорошо одетый англичанин, ему под шестьдесят.

ФЭЙ. Нет-нет! Я еще не готова...

- РУПЕРТ. Но Фэй, ты уже две недели на площадке не показываешься. Я устал выдумывать оправдания.
- ФЭЙ. Снимайте пока сцены, в которых я не занята.
- РУПЕРТ. Фэй, дорогая, все эти сцены давно отсняты! Двери, окна, горы – вплоть до детей и щенков. Ты нужна на площадке немедленно! Завтра же вылетаем в Нью-Йорк!
- ФЭЙ. Возможно, после Рождества...
- РУПЕРТ. После Рождества? Дорогая, тебе дали отдохнуть до конца ноября. Но на дворе декабрь! Начальство теряет терпение.
- ФЭЙ. Мне нужно еще немного времени. Совсем чуть-чуть.
- РУПЕРТ. И они требуют, чтобы тебя осмотрел студийный врач.
- ФЭЙ. Зачем?
- РУПЕРТ. Как зачем?! Ты – звезда первой величины, в тебя вложены большие деньги. Естественно, они боятся за твое здоровье.
- ФЭЙ. Это исключено. У меня один врач – Генри. Он посылает на студию все отчеты. С какой стати показываться какому-то шарлатану, которого я никогда в глаза не видела?
- РУПЕРТ. Начальство предлагает другого врача. Твой Сильверман, конечно, светило, но он стареет...
- ФЭЙ. Я не признаю других врачей. Объясни им это, Руперт!
- РУПЕРТ. Я пытался. Они настаивают. Если откажешься, тебя могут уволить. (Фэй смеется.) Думаешь, я пошутил?
- ФЭЙ. Меня не уволят. Не посмеют!
- РУПЕРТ. Фэй, еще как посмеют. Легко.
- ФЭЙ. В середине съемок – никогда.
- РУПЕРТ. Фэй, мне пришлось просить, умолять, интриговать, валяться в ногах у всех и каждого, чтобы эту роль не отдали Ингрид Бергман.

-
- ФЭЙ. Ингрид хотела играть?
- РУПЕРТ. Отчаянно! А для тебя эта картина – прорыв. «Двойная игра» – это отличный сценарий и серьезная роль! Вместо глупеньких романтических барышень, для которых ты уже... как бы... не совсем...
- ФЭЙ. Для которых я уже как бы старовата.
- РУПЕРТ. Пора показать публике, что ты большая актриса.
- ФЭЙ. Сам сказал – я старая.
- РУПЕРТ. Я сказал? Да я ни сном, ни духом...
- ФЭЙ. Интересно, что ты дальше для меня припас? Небось, сошлешь играть Кормилицу в «Ромео и Джульетте»? В глухую провинцию...
- РУПЕРТ. Фэй...
- ФЭЙ. Или это слишком крупная роль для пожилой романтической барышни? Может, лучше Злую ведьму из страны Оз? Раздавят в первой сцене – и играть ничего не надо! Но если я, тупая блондинка, и этого не потяну, может, пора играть матерей моих бывших партнеров? В слащавых мелодрамах?
- РУПЕРТ. Ты молода и хороша как никогда!
- ФЭЙ. Но клеймо тупой блондинки – это пожизненно! Твоими стараниями!
- РУПЕРТ. Нет! Мы оба понимаем, на что ты способна! И пусть публика это тоже увидит. «Двойная игра» – наш шанс. Крутой триллер. Новый образ, новый успех!
- ФЭЙ. Руперт, я сейчас не могу сниматься. Прости. Мне необходимо отдохнуть. Выспаться... Я так устала...
- Фэй подходит к буфету, берет чистый бокал.*
- РУПЕРТ. Фэй...

ФЭЙ. Мне нужно выпить. (*Она не может найти то, что ищет. Выходит в прихожую, кликает экономку.*) Эй, Пич! Где бурбон?

Возвращается в комнату.

РУПЕРТ. А иначе нельзя?

ФЭЙ. Что иначе?

РУПЕРТ. Обращаться к ней иначе. Почему ты с ней так груба?

ФЭЙ. Я груба? Нет, я добра! Слишком добра. Другая на моем месте ее бы давно уволила.

РУПЕРТ. Я ни разу не слышал, чтобы ты назвала ее по имени. Как ее зовут-то?

ФЭЙ. Ее зовут «Эй!»

Входит миссис Пич – небольшого роста женщина, лет шестидесяти пяти. Она никогда не улыбается, сохраняет выдержку – в диапазоне от ледяной корректности до полного безразличия.

МИССИС ПИЧ. Вы звали? Простите, не сразу услышала. Ужин готовлю. Чего изволит мадам?

ФЭЙ. Господи помилуй... Мадам изволит бутылку бурбона. (*Миссис Пич стоит неподвижно и смотрит на Руперта – ждет его согласия. Руперт пожимает плечами.*) Чего на него пялиться? Хозяйка тут я, и я требую бутылку бурбона.

МИССИС ПИЧ. Сию минуту.

ФЭЙ. (*подражая ей*) Сию минуту. (*Миссис Пич невозмутимо поворачивается и направляется к выходу.*) А где Генри? Я вызвала его два часа назад, почему его нет? Мне надо с ним поговорить.

МИССИС ПИЧ. Доктора, вероятно, задержали неблагоприятные погодные условия. Обильный снегопад, дороги малоприспособлены для передвижения...

ФЭЙ. Эй, а если попроще?

МИССИС ПИЧ. Дороги замело, мэ.

Миссис Пич выходит.

РУПЕРТ. Так ты ждешь Сильвермана?

ФЭЙ. А вот его зовут Генри.

РУПЕРТ. Ну-ну. Не понимаю, почему ты до сих пор не выделила своему Генри комнату в доме. Пусть заселяется, чего там? Он и так торчал тут почти все лето. Я неправ?

ФЭЙ. Да, он жил тут, пока я была в Нью-Йорке. Я позволяю ему встречаться с коллегами в моем доме.

РУПЕРТ. Не много ли ты ему позволяешь? Поощряешь вольности.

ФЭЙ. Слушай, а может тебе с ним проконсультироваться? Посмотри на себя: повышенная тревожность, постоянное желание все держать под контролем...

РУПЕРТ. У тебя есть бренди?

Миссис Пич возвращается с бутылкой бурбона.

ФЭЙ. Есть и бренди. И бурбон.

РУПЕРТ. Миссис Пич, позвоните-ка доктору Сильверману и скажите, что мы сегодня в его услугах не нуждаемся.

ФЭЙ. Как ты смеешь?

МИССИС ПИЧ. Боюсь, звонить слишком поздно, мистер Грант. Доктор, без сомнения, уже в пути.

Миссис Пич выходит.

ФЭЙ. Нет, ты полюбуйся на эти манеры!

РУПЕРТ. А что не так?

ФЭЙ. Пришла! Ушла! Бродит по дому, как привидение. Мне страшно. Я ее уволю.

РУПЕРТ. Нельзя тебе без нее, не справишься...

- ФЭЙ. Почему мне все диктуют, что можно, а что нельзя?!
- РУПЕРТ. Никто тебе ничего не диктует...
- ФЭЙ. Я не потерплю эту старую каргу в доме! Она шпионит.
- РУПЕРТ. А вот это уже паранойя.
- ФЭЙ. И ворует! Она украла у меня драгоценности и...
- РУПЕРТ. Фэй, право, ты преувели...
- ФЭЙ. Нет уж, выслушай! Она воровка! Она украла серьги и часы-ролекс, те, что ты привез мне из Лондона. Все исчезло, как корова языком... я точно знаю, это она...
- РУПЕРТ. Ты просто не помнишь, куда положила. У тебя вообще бывают провалы в памяти. Забываешь про работу, не показывалась на съемках три недели!
- ФЭЙ. Скорее бы Генри пришел. Я должна сообщить ему что-то важное. И тебе тоже.
- РУПЕРТ. Вот как? Что именно?
- ФЭЙ. Только обоим вместе.
- РУПЕРТ. Фэй, если это действительно важно, я вправе узнать первым. Я – твой агент.
- ФЭЙ. Ладно, расскажу. Только изобрази удивление, когда я буду рассказывать Генри. А то он обидится, что ты первый узнал. Обещаешь?
- РУПЕРТ. Обещаю.
- ФЭЙ. Хорошо. Садись.
- РУПЕРТ. Зачем ты меня усаживаешь? Важная новость?
- ФЭЙ. Да, важная. Но не плохая. Наоборот, очень хорошая.
- РУПЕРТ. Так. Что-то я волнуюсь.

- ФЭЙ. Не волнуйся. Новость, правда, хорошая. Просто замечательная. Я выхожу замуж.
- Руперт ошеломлен.*
- РУПЕРТ. Черт подери!
- ФЭЙ. А где поздравления?
- РУПЕРТ. И кто счастливый жених?
- ФЭЙ. Виктор.
- РУПЕРТ. Виктор? Какой Виктор?
- ФЭЙ. Виктор Скотт.
- РУПЕРТ. Виктор Скотт? ВИКТОР СКОТТ? Политик? Кандидат в президенты?
- ФЭЙ. Он самый. Представляешь, какое счастье!
- РУПЕРТ. Ага. Счастье. Очень за тебя рад. За вас обоих. А его жена в курсе?
- ФЭЙ. Ты всегда все портишь своими вопросами!..
- РУПЕРТ. Значит, не в курсе?
- ФЭЙ. Он ждет удобного момента.
- РУПЕРТ. И ты надеешься, что он бросит жену перед президентскими выборами?
- ФЭЙ. Бросит! И победит на выборах! И я стану Первой леди. И... пусть Ингрид Бергман кусает локти.
- РУПЕРТ. Подумай трезво...
- ФЭЙ. Не могу трезво! Я счастлива, понимаешь?
- РУПЕРТ. И давно это у вас?
- ФЭЙ. Гм... Сколько-то. Он такой замечательный! Скорее бы вас познакомить. Вы будете друг от друга без ума!

- РУПЕРТ. А Сильверман? Что он скажет?
- ФЭЙ. Генри считает, что мне не хватает стабильности в жизни, так что...
- РУПЕРТ. Интрижка с женатым политиком – это стабильность?
- ФЭЙ. Как ты умеешь все опозлить! У нас большая любовь, а не интрижка!
- РУПЕРТ. Ты недооцениваешь ситуацию. У Скотта выборы на носу. Бросить жену ради актрисы – подарить победу сопернику. Он никогда этого не сделает...
- ФЭЙ. Но он обещал.
- РУПЕРТ. Фэй, послушай...
- ФЭЙ. Он обещал, значит, сделает. А не сделает – я все расскажу журналистам, устрою страшный скандал.
- РУПЕРТ. Что?
- ФЭЙ. То, что слышал. Весь мир узнает, что он изменял жене.
- РУПЕРТ. Да ты с ума сошла?! Допустим, Скотт жаждет на тебе жениться, допустим. Но его люди никогда этого не позволят. Они тебя просто уничтожат! Сотрут в порошок! Скажут, что у тебя съехала крыша, что ты алкоголичка, наркоманка, бездарность!
- ФЭЙ. Я с тобой откровенно, как с другом... А ты говоришь такие ужасные, ужасные вещи!
- РУПЕРТ. Скотта поддерживают серьезные люди, а связь с тобой поставит на его карьере жирный крест. Не надейся, что тебе будут аплодировать!
- ФЭЙ. Руперт, я знаю – ты желаешь мне добра. Но разве плохо, если я выйду замуж, стану Первой леди? Только представь!
- РУПЕРТ. Представил и ужаснулся...

-
- ФЭЙ. ...Мне пора свить гнездо, остепениться, нарожать детей... а потом... можно снова начать сниматься.
- РУПЕРТ. Детей нарожать? Много?
- ФЭЙ. Виктор хочет иметь настоящую семью.
- РУПЕРТ. А у него игрушечная?
- ФЭЙ. Со мной семьей! А детишек... думаю, трое.
- РУПЕРТ. Трое? Боже, несчастные дети...
- ФЭЙ. Я была бы замечательной мамочкой!
- РУПЕРТ. Ага. Двадцать лет назад. И то вопрос. А сейчас тебе впору быть бабушкой.
- ФЭЙ. Почему ты так жесток? Ты же мне друг!
- РУПЕРТ. Именно потому, что я тебе друг, я буду бить во все колокола и твердить, что это – дикая идея.

Фэй готова расплакаться. Руперт садится рядом, берет ее за руку.

- ФЭЙ. Я хочу быть счастливой... Неужели мне совсем не положено счастья?
- РУПЕРТ. Положено. Но ты размениваешь его на мелкую монету... То боксер, то драматург, то этот кретин футболист... скачет, как заяц, и умишко – с заячий хвост...
- ФЭЙ. Но Виктор совсем другой!
- РУПЕРТ. Фэй, хватит банальностей. Эта история не понравится очень многим. Ни сама история, ни ее очевидные последствия.
- ФЭЙ. Но все увидят, как сильно мы любим друг друга!
- РУПЕРТ. Ты затеяла очень опасную игру.
- ФЭЙ. Я знаю. И готова.
- РУПЕРТ. Что ты имеешь в виду?

ФЭЙ. Что могу потерять народную любовь. Что мне, может быть, даже придется защищаться. Я подготовилась. (*Руперт в недоумении.*) Загляни в верхний ящик буфета.

РУПЕРТ. Что там?

ФЭЙ. Ну посмотри сам.

Руперт выдвигает ящик и достает револьвер в бархатном чехле.

РУПЕРТ. Господи! Откуда ты это взяла?

ФЭЙ. Не волнуйся, оружие законное.

РУПЕРТ. Оружие, Фэй! Ты умеешь стрелять?

ФЭЙ. Если понадобится.

РУПЕРТ. Ну, покажи! Продемонстрируй свое мастерство.

*Руперт надвигается на Фэй с револьвером в руках.
Ей явно не по себе.*

ФЭЙ. Осторожнее, Руперт! Положи обратно. Вдруг выстрелит?!

Руперт проверяет.

РУПЕРТ. Не выстрелит. Револьвер не заряжен. Ты патроны-то прикупила?

ФЭЙ. Я же не полная идиотка. Там коробочка, в глубине ящика.

Руперт вытаскивает коробку и достает патрон.

РУПЕРТ. Ну, докажи, что умеешь обращаться с револьвером.

ФЭЙ. Нет... Я не...

РУПЕРТ. Хочешь подсказку? Пулька вот отсюда вылетает.

ФЭЙ. Пожалуйста, Руперт, положи на место.

РУПЕРТ. Фэй, глупышка, ты свое «оружие» в руки взять боишься. И заряжать не умеешь. Как ты намерена из него стрелять?

ФЭЙ. Не беспокойся, выстрелю. Если припрет. А теперь положи в чехол и убери на место.

Входит миссис Пич. Руперт кладет револьвер в чехол и прячет в ящик вместе с патронами.

РУПЕРТ. Поговорим после.

ФЭЙ. Генри приехал?

МИССИС ПИЧ. Нет еще, мэ. Но телефон у него в кабинете не отвечает, из чего можно заключить, что он уже в дороге.

ФЭЙ. Я хочу видеть его, как только появится.

*От порыва ветра дребезжат стекла на дверях-окнах.
Свет ненадолго тускнеет.*

РУПЕРТ. Хоть бы генератор не сдох. Ты вызывала мастера? Фэ-э-эй?

ФЭЙ. Как раз собиралась...

РУПЕРТ. Замечательно.

МИССИС ПИЧ. Мастера пришлют, как только утихнет непогода. Но я запаслась всем необходимым на случай, если мы останемся без электричества. Есть свечи, есть дрова.

РУПЕРТ. Это радует.

Миссис Пич выходит.

ФЭЙ. (ей вслед) Как Генри приедет, пусть идет сюда. Сразу!

РУПЕРТ. Ты неважно выглядишь. Может, приляжешь до ужина?

ФЭЙ. Я не смогу заснуть. Только лягу – сна ни в одном глазу. А в голове – мысли, мысли... Что же Генри никак не едет?..

РУПЕРТ. Он все еще пичкает тебя этой отравой?

ФЭЙ. Это не отравка.

РУПЕРТ. Ты же обещала, что откажешься от транквилизаторов. Они не лечат, а калечат.

ФЭЙ. Откажусь. Постепенно. Нельзя так вдруг. И мне нужно какое-то сильное снотворное, иначе я не засыпаю... А мне так надо выспаться... так надо...

Руперт чувствует, что она на грани срыва.

РУПЕРТ. У меня есть одно лекарство, можешь принять. Но – только один раз.

ФЭЙ. Какое?

Руперт со вздохом вынимает из портфеля пузырек и вручает Фэй.

РУПЕРТ. Хлоргидрат, отличное снотворное. Я им пользуюсь, когда летаю в Голливуд. Одна чайная ложка в шампанское перед взлетом, и – прощай Нью-Йорк, привет Лос-Анджелес. Держи. С твоим весом тебе и пол-ложечки хватит. Даже нескольких капель.

ФЭЙ. Спасибо, дружок. Ты – ангел.

Фэй целует его в щеку и выходит. Руперт выжидает, чтобы убедиться, что Фэй действительно ушла и не зайдет обратно в гостиную. Затем прикрывает центральную дверь и, бдительно следя за этой дверью, поднимает трубку и набирает номер.

РУПЕРТ. Это я... Задержался в Вермонте. Снег валит и валит – не проехать не пройти. Что?.. Вовсе не пропал... Я всегда выполняю свои обязательства, ты знаешь... Ну да, подзатянули с картиной... на пару месяцев... Что ты слышал?.. Нет. Категорически – нет. Она вернется на площадку... Да, гарантирую... Естественно, у нас есть страховка... Я сам знаю, в каком случае не выплатят!.. Она отлично выглядит, все в порядке... Да, я поговорю с агентом Ингрид, но не сейчас... Если понадобится. Когда понадобится... Что?... Это – угроза? Не стоит мне угрожать... Эй?.. Ты меня слышишь? Эй! Черт побери!

Грохает трубку на рычаг. Поднимает, прислушивается, снова кладет. Внезапно из прихожей доносится шум, громкие голоса.

СИЛЬВЕРМАН. (голос) Скорее, Грейс! Нужны одеяла, полотенца и что-нибудь горячее – чай, бульон...

Руперт замечает суету в прихожей и направляется к дверям. В этот момент они распахиваются. Входит Сильверман, седовласый мужчина лет шестидесяти с гаком, в запорошенном снегом пальто. Он ведет Дуга Брауна, которому лет под сорок или чуть за сорок. Он тоже весь в снегу и сильно дрожит.

СИЛЬВЕРМАН. Проходите! Тут у нас камин – грейтесь. О, Руперт! Пожалуйста, придвиньте вон то кресло к огню.

Доктор ведет Брауна к огню. Руперт бросается помогать.

РУПЕРТ. Да что же с вами стряслось? Давайте-ка, помогу. Вот сюда, садитесь.

СИЛЬВЕРМАН. Он провалился в речку, под лед. Заблудился. Там такая метель! Надо его срочно согреть, иначе осложнений не миновать. *(Доктор помогает Брауну снять пальто и небольшой кофр с фотоаппаратом, затем сдергивает с дивана плед, заворачивает пострадавшего. Брауна колотит дрожь.)* У нас есть бренди?

РУПЕРТ. Конечно. *(Сильверман растирает Брауна, чтобы согреть его и восстановить кровообращение. Руперт идет к буфету, наливает бренди.)* Да как же вас занесло на лед, старина? Что вы делали в нашей глуши в такой непогожий вечер?

БРАУН. Я ехал в Ричмонд, машина сломалась. Неподалеку отсюда, в миле примерно. Но я совсем не представлял, где нахожусь. Что было делать? Либо замерзнуть в машине, либо рискнуть, идти наугад.

РУПЕРТ. Риск не оправдался, угодили в речку.

БРАУН. Да у меня фонарик сдох – батарейки, видимо, сели. Шел наощупь и вдруг – провалился. По самую шею. Вода ледяная, аж дыхание перехватило. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Слава богу, там каким-то чудом оказался доктор. Он спас мне жизнь.

Руперт приносит два бокала бренди. Протягивает сначала Брауну.

СИЛЬВЕРМАН. Нет-нет, это мне. Ему нельзя. Алкоголь при переохлаждении чреват смертельным исходом.

РУПЕРТ. Тогда выпьем за его здоровье.

Руперт отдает один бокал доктору, другой выпивает сам.

СИЛЬВЕРМАН. Вам еще повезло. Вы свалились в нашу речушку, а не в Адовы штольни. Оттуда вас бы уже никто не вытянул.

РУПЕРТ. Адовы штольни? Что это? Где?

СИЛЬВЕРМАН. Тут сохранились старые шахты – несколько стволов, а под землей целый лабиринт штолен. В этих краях когда-то добывали медь. Местные уверены, что шахты ведут прямоком в ад. Угоди вы в такую шахту... мы бы тут сейчас не беседовали. (*Миссис Пич входит со стопкой полотенец. Видно, что спешит.*) Спасибо, Грейс. (*Забирает у нее полотенца, обращается к Брауну.*) Теперь надо найти для вас сухую одежду.

МИССИС ПИЧ. Может, мистер Грант поделится? У них примерно один размер.

СИЛЬВЕРМАН. Отличная идея, Грейс. Поделитесь, Руперт?

РУПЕРТ. С удовольствием. Я всегда набираю с собой кучу шмоток про запас. Возьмите, что надо.

СИЛЬВЕРМАН. Прекрасно. Миссис Пич, будьте любезны, отведите мистера Брауна наверх...

БРАУН. Я – Дуг. Не надо мистеров.

СИЛЬВЕРМАН. ... отведите Дуга наверх, устройте ему горячую ванну и дайте сухую одежду. А потом, если несложно, угостите нашего гостя горячим шоколадом. Он у вас отменный.

МИССИС ПИЧ. Конечно, доктор. Все исполню.

*Миссис Пич уводит завернутого в плед Брауна.
Сильверман снимает пальто.*

СИЛЬВЕРМАН. Ну что тут скажешь? Поскорее бы лето...

РУПЕРТ. Летом сюда переедете жить? Как всегда?

СИЛЬВЕРМАН. Возможно. Кто знает? Или отправлюсь, наконец, в круиз, если Фэй отпустит. Кстати, где она?

- РУПЕРТ. Решила ненадолго прилечь перед ужином. Без всяких транквилизаторов.
- СИЛЬВЕРМАН. Превосходно!
- РУПЕРТ. Но я за нее волнуюсь.
- СИЛЬВЕРМАН. Почему? Что-то не так?
- РУПЕРТ. Она ведет себя немного странно, более странно, чем обычно. Страхи какие-то мучают.
- СИЛЬВЕРМАН. Какого рода?
- РУПЕРТ. Насколько она с вами откровенна?
- СИЛЬВЕРМАН. Я ее врач, она – мой пациент.
- РУПЕРТ. Она рассказала вам про Виктора Скотта?
- СИЛЬВЕРМАН. Все, что Фэй говорит мне, не подлежит разгла...
- РУПЕРТ. Разумеется, разумеется. Так рассказала? Да или нет? (*пауза*) Доктор?
- СИЛЬВЕРМАН. Что именно про Скотта?
- РУПЕРТ. Что собирается за него замуж? (*Сильверман молчит.*) Ну, я вижу: вы все знаете. Доктор, но это – безумие!
- СИЛЬВЕРМАН. Ничего не поделаешь – она влюбилась.
- РУПЕРТ. Влюбилась? Не смешите! Вы должны ее отговорить, это ваш долг.
- СИЛЬВЕРМАН. Мой долг?
- РУПЕРТ. Вы – ее врач! Дайте ей совет.
- СИЛЬВЕРМАН. Вы не понимаете, что такое психотерапия. Я не даю никаких советов. Я просто слушаю.
- РУПЕРТ. Но вы должны сказать свое слово. Удержать ее от страшной ошибки.

- СИЛЬВЕРМАН. Ее жизнь, ей решать...
- РУПЕРТ. Эта связь ее погубит. Виктор ее погубит.
- СИЛЬВЕРМАН. Напротив, мне кажется, на Виктора можно положиться. Ей нужен такой человек, нужна стабильность.
- РУПЕРТ. Но он женат!
- СИЛЬВЕРМАН. Я не могу влиять на ее решения...
- РУПЕРТ. Чушь!
- СИЛЬВЕРМАН. Вы не вполне представляете взаимоотношения врача и пациента.
- РУПЕРТ. Возможно, но...
- СИЛЬВЕРМАН. А почему, собственно, это ошибка? Ну, небольшой перерыв в карьере...
- РУПЕРТ. Небольшой, как вы выразились, перерыв в карьере – это еще цветочки. Будет грандиозный скандал!
- СИЛЬВЕРМАН. Вам-то, конечно, радости мало... Актриса номер один выбывает из игры на... неопределенное время.
- РУПЕРТ. Поверьте, я не за себя волнуюсь. За нее... Помогите уберечь ее от... непоправимого... (*Сильный порыв ветра сотрясает окна, свет помигивает и гаснет окончательно. Комната слабо освещена огнем камина.*) Только этого не хватало!
- СИЛЬВЕРМАН. Генератор все-таки полетел! Ну, ничего страшного. У меня в кармане зажигалка и где-то есть фонарик. Только саквояж надо найти.

Руперт наощупь двигается в сторону прихожей.

- РУПЕРТ. Миссис Пич сказала, что запаслась свечами. Пойду спрошу. (*добирается до дверей, открывает их.*) Миссис Пич!

*Руперт скрывается через прихожую – за правую кулису.
Сильверман щелкает зажигалкой.*

СИЛЬВЕРМАН. Проклятый генератор.

С зажженной зажигалкой он осматривает комнату. Находит саквояж, достает фонарик. Выключает зажигалку, откладывает ее в сторону и включает фонарик – прямо себе в лицо. Ослепленный, он отводит луч от себя и выхватывает из темноты лицо Брауна. Тот проник в комнату очень тихо. Вскрикнув от неожиданности, Сильверман роняет фонарик.

СИЛЬВЕРМАН. Господи!

Браун облачен теперь в банный халат. Он поднимает фонарик и снова его включает.

СИЛЬВЕРМАН. Так и инфаркт получить недолго.

БРАУН. Простите... Я вас напугал...

В дверях появляется Руперт с двумя незажженными свечами в руках, за ним – миссис Пич с керосиновой лампой.

РУПЕРТ. Что случилось?

СИЛЬВЕРМАН. Да Браун испугал меня до смерти.

БРАУН. Простите... Я просто ищу свой фотоаппарат.

РУПЕРТ. Генератор определенно сдох. А ведь я давно предупреждал, что этим кончится!

БРАУН. У моего отца была ремонтная мастерская, я кое-что умею. Хотите, попробую починить?

РУПЕРТ. Давайте, теперь ваша очередь нас спасать. Генератор в подвале.

БРАУН. А где подвал?

РУПЕРТ. Ну где? В подвале. Дверь под лестницей. Только спускайтесь осторожно. Ступеньки крутые – смертельный трюк.

БРАУН. Спасибо, учту. Только... переодеться бы сначала...

МИССИС ПИЧ. Я помогу. Как раз шла подобрать вам вещи, когда погас свет.

Браун и миссис Пич выходят. Руперт зажигает свечу.

- РУПЕРТ. Слушайте, доктор, поговорите с Фэй. Убедите ее отказаться от этой дикой затеи.
- СИЛЬВЕРМАН. Сейчас она слишком ранима... Здоровье ослаблено.
- РУПЕРТ. Еще бы! Вы забиваете ей голову всякой чепухой и пичкаете химикатами.
- СИЛЬВЕРМАН. Это несправедливо. И более того – оскорбительно. Она – самая важная для меня пациентка.
- РУПЕРТ. Уточняю: единственная. Куда остальные-то подевались?
- СИЛЬВЕРМАН. Я сосредоточил все усилия только на Фэй. Ее состояние требует от врача полной отдачи.
- РУПЕРТ. По-моему, ваши усилия нетрадиционны... для психотерапевта. И это еще мягко сказано.
- СИЛЬВЕРМАН. Вы о чем?
- РУПЕРТ. Вы нарушаете все мыслимые и немыслимые правила психотерапии. Вы должны держать дистанцию, не вмешиваться в ее жизнь. Сколько она вам платит?
- СИЛЬВЕРМАН. Не вашего ума дело...
- РУПЕРТ. Наверняка кругленькую сумму. За три, а то и четыре визита в неделю, не разбирая будней и выходных. Как сыр в масле катаетесь?
- СИЛЬВЕРМАН. Ваши намеки возмутительны. Я действую исключительно в интересах моих пациентов.
- РУПЕРТ. Пациента. Точнее – пациентки. Единственной и неповторимой. И это тоже непрофессионально – учитывая, что вы – свободный, не обремененный узами брака мужчина.
- СИЛЬВЕРМАН. Да как вы смеете?!
- РУПЕРТ. Признайтесь! Вы в нее влюблены.

СИЛЬВЕРМАН. Если вы надеетесь на мою помощь – а я могу вернуть Фэй на съемочную площадку, – не суйте нос куда не просят. Иначе она не будет сниматься еще очень, очень долго.

Руперт надвигается на Сильвермана. Зажигается свет.

РУПЕРТ. Вы мне угрожаете?

С лампой в руке вбегают миссис Пич. Она встревожена.

МИССИС ПИЧ. Доктор Сильверман, скорее... там... Фэй. Я зашла ее разбудить... но не могу добудиться.

РУПЕРТ. Она спит. Просто крепко спит.

МИССИС ПИЧ. Нет... По-моему, она умерла.

Затемнение

Сцена вторая

Электричество полностью восстановлено.

Сильверман сидит, горестно обхватив голову руками.

От его спокойствия не осталось и следа.

У Руперта в руках бокал с каким-то алкогольным напитком.

Браун – теперь он в брюках и свитере – сидит в другой части гостиной, у камина. Миссис Пич безмолвно и неподвижно сидит у дверей.

СИЛЬВЕРМАН. Я опоздал, прошло слишком много времени.

РУПЕРТ. Вы сделали все, что могли.

СИЛЬВЕРМАН. Все перепробовал – искусственное дыхание, укол адреналина в сердце, но... Не понимаю...

РУПЕРТ. Вы сделали все, что в человеческих силах, доктор.

СИЛЬВЕРМАН. Почему же не помогло? Это общепринятая практика... артериальное давление падает, его нужно поднять... укол адреналина должен был подействовать...

БРАУН. Прощу прощения... Объясните, о ком речь-то? Я так понимаю, что кто-то умер. Но кто?

- СИЛЬВЕРМАН. Возможно, виной общая ослабленность... Я вас предупреждал...
- РУПЕРТ. Фэй Брук.
- БРАУН. Фэй Брук? Киноактриса?
- РУПЕРТ. Да.
- БРАУН. Ничего себе! То есть, это дом Фэй Брук? А я понятия не имел! И что произошло? Она покончила с собой?
- РУПЕРТ. Погодите! С чего вы...
- БРАУН. На этот раз успешно.
- РУПЕРТ. Что значит «на этот раз»?
- БРАУН. Она ведь уже пыталась, и не единожды.
- РУПЕРТ. Не понял вас!..
- БРАУН. Ну, Фэй Брук! Она же несколько раз пыталась покончить жизнь самоубийством!
- РУПЕРТ. Вы ошибаетесь. Не знаю, откуда у вас такие сведения.
- БРАУН. Да просто читал... в светской хронике... в журнале...
- Руперт смотрит на него с подозрением.*
- РУПЕРТ. В журнале?
- БРАУН. Да, в «Голливудских сплетнях», кажется... Но я понимаю, что печатному слову не всегда стоит верить...
- РУПЕРТ. Не стоит. В этом случае точно не стоит.
- СИЛЬВЕРМАН. Надо вызвать полицию.
- РУПЕРТ. Телефон не работает.
- СИЛЬВЕРМАН. Тогда мне, наверно, надо ехать в город?

БРАУН. Не проехать, доктор, по такой погоде. Смотрите, что там делается.

Доктор Сильверман в панике. Вскрикивает.

СИЛЬВЕРМАН. Надо ехать, срочно! Где мой саквояж? (*Поднимает стоящий на полу саквояж.*) А где пальто?

РУПЕРТ. Сильверман, вы слышите, что вам говорят? Не проехать. Застрянете по дороге.

СИЛЬВЕРМАН. Но мы должны сообщить о ее смерти. Как вы не понимаете? Я – ее врач, я обязан сообщить!

РУПЕРТ. Разумеется. Но придется подождать, иначе в аварию попадете. А Фэй ваши подвиги уже не спасут.

СИЛЬВЕРМАН. Я сделал все! Хотел спасти! Вы же видели? Вы сами сказали: «сделал все, что в человеческих силах»... (*Сильверман пытается обойти стоящего у дверей Руперта. Тот преграждает ему путь.*) Мне надо... срочно... ехать...

РУПЕРТ. Успокойтесь – поедете...

Сильверман замахивается на Руперта саквояжем. Руперт и Браун заламывают ему руки.

БРАУН. Эй, доктор, он прав. Давайте-ка поспокойнее. У вас шок.

Сильверман бессильно падает в кресло и начинает рыдать.

СИЛЬВЕРМАН. Я даже не простился с ней! Она ушла... а я не успел проститься...

Руперт идет к бару, наполняет бокалы.

Потом оборачивается и пристально смотрит на присутствующих.

РУПЕРТ. Господа... рано или поздно явится полиция, начнет задавать вопросы. Полагаю, нам надо заранее обсудить... то, что произошло. Это только на первый взгляд случай вполне... однозначный.

БРАУН. Однозначный? Я, конечно, брякнул про самоубийство, но смерть вполне могла наступить и по естественным причинам. В конце концов, наша девушка была не такой уж

- юной. С другой стороны, она баловалась наркотиками. И выпивкой...
- РУПЕРТ. Та-а-ак... Вы о чем?
- БРАУН. О том, что самоубийство тоже не исключено.
- РУПЕРТ. Браун, заткнитесь, а? Из таких необдуманных слов и рождаются сплетни. А сейчас нужны только факты. И нам предстоит разговор с полицией. *(Пауза)* Что, если ее убили?
- БРАУН. Убили? Кто?
- РУПЕРТ. Пока не знаю. Возможно вы.
- БРАУН. Я? Ха! *(Все смотрят на Брауна.)* Вы ведь шутите, да? Как это – я? Я даже не знал, что это ее дом...
- РУПЕРТ. Почему мы должны вам верить?
- БРАУН. Потому что это правда! И я тут не останусь, раз вы обвиняете меня невесть в чем!
- РУПЕРТ. Никто вас не держит, мистер Браун. Но если Фэй и вправду убита, полиция вами все равно заинтересуется. Еще бы! Таинственный незнакомец внезапно появляется в доме известной актрисы, а час спустя она мертва!
- БРАУН. Эй, убийство на меня не вешайте – ничего не выйдет! Я ухожу.
- РУПЕРТ. Вы вызовете еще больше подозрений, если покинете место преступления.
- БРАУН. Какого преступления? Откуда вы это взяли? Мы ничего толком не знаем.
- РУПЕРТ. Именно. Не знаем. И сейчас самое время разобраться. Установить факты. *(Выдерживает короткую паузу.)* Потому что я не понимаю! Я только что с ней разговаривал! Час назад! Она радовалась жизни, строила планы, была счастлива! И вдруг – мертва.
- СИЛЬВЕРМАН. Мы ежедневно сокращали дозы... Послушайте, может, она приняла что-то еще? У нее были другие лекарства, Грэйс?

- МИССИС ПИЧ. Нет. Вы же знаете – я слежу за каждым шагом.
- СИЛЬВЕРМАН. Руперт, пока вы с ней разговаривали, она ничего не принимала?
- РУПЕРТ. Нет, лекарств не было... Но она выпила много бурбона. Верно, миссис Пич?
- МИССИС ПИЧ. Я принесла ей вторую бутылку, но, по-моему, она ее не открывала.
- БРАУН. Ну, все понятно. Алкоголь и транки. Двойной удар. Сердце не выдержало.
- РУПЕРТ. Вы полагаете, она принимала транквилизаторы? Откуда вы взяли? Я этого не говорил, и доктор тоже. Опять, небось, в журнале прочли?
- БРАУН. А что? Там и про суицид, и про транки...
- РУПЕРТ. Надо же, какой ценный источник знаний!
- БРАУН. Слушайте, я только...
- РУПЕРТ. Не знаю, где вы умудрились все это прочитать. Потому что в прессу о попытках самоубийства ничего не просочилось.
- БРАУН. Ну, значит, я от кого-то слышал.
- РУПЕРТ. Кто вы вообще такой, Браун? Мы ведь о вас ничего не знаем. Что вы здесь делаете?
- БРАУН. Да как же? Доктор нашел меня, вытацил из реки, спас от смерти...
- РУПЕРТ. А в эти края как вас занесло? О метели все знали загодя, на всех каналах о ней трубили. Никто в здравом уме не потащится в такую погоду в эту тьму таракань. Да еще на ночь глядя.
- БРАУН. У каждого своя работа.
- РУПЕРТ. И какая же у вас работа, позвольте узнать?

- БРАУН. Я – писатель... Краевые заметки, путевые очерки. Особо интересуюсь церквями как объектами исторического и архитектурного значения. В Ричмонде как раз такая церковь.
- РУПЕРТ. В самом деле?
- БРАУН. Круглая деревянная церковь, слышали? Она, практически, уникальна. Возможно, это вообще единственная молельня, уцелевшая с начала девятнадцатого века.
- РУПЕРТ. Это у которой двенадцать граней, что ли?
- БРАУН. Ну да. Вы были внутри?
- РУПЕРТ. Не был. Знаю, что она тут есть, разумеется. Это все знают. В любом путеводителе крупными буквами написано.
- БРАУН. Вот туда я и ехал. Снегопад начался, когда я был уже в пути. Ни зги не видно! Машину кидало, как щепку.
- РУПЕРТ. Ну, а где вы были, когда мы обнаружили тело Фэй?
- БРАУН. В подвале. Чинил генератор. Припоминаете?
- СИЛЬВЕРМАН. Нет, не в подвале. Вы пошли наверх переодеваться. Сами-то припоминаете?
- БРАУН. Да, верно. Сначала пошел переодеваться. Со мной пошла миссис Пич. Спросите ее. Она выдала мне одежду, вот эту... я оделся и спустился в подвал – чинить генератор.
- РУПЕРТ. Но вас не было слишком долго!
- БРАУН. А вы когда в последний раз чинили генератор?
- СИЛЬВЕРМАН. Ну, а раньше, когда погас свет, вы где были?
- РУПЕРТ. Кстати, да, где? Вы тогда появились слишком быстро. Только ушли наверх...
- БРАУН. То долго нет, то быстро появился. На вас не угодишь. Хоть генератор-то я хорошо починил?!

-
- РУПЕРТ. А почему вы вообще пошли вниз, вы же собирались ванну принять?
- БРАУН. Да я уже разделся, хотел залезть в ванну, но вдруг вспомнил про фотоаппарат. Надел халат и спустился.
- РУПЕРТ. И как вы сюда вошли?
- БРАУН. Представьте, через дверь. Вы знаете другой способ попасть в комнату? *(Подходит к двери, демонстрирует.)* Открываем дверь, входим, закрываем... Не в лесу воспитывались...
- РУПЕРТ. А зачем вам вдруг так срочно понадобился фотоаппарат?
- БРАУН. У меня там много отснятых кадров – весь материал за прошлую неделю. Хотел посмотреть, не погибла ли пленка.
- РУПЕРТ. Конечно, погибла, если вы в речку упали!
- БРАУН. Надеюсь, что нет. Аппарат в водонепроницаемом чехле... Послушайте, я под лед провалился! Думаете, нарочно? Поплавать захотел? И вообще – вы меня в убийстве обвиняете, а я даже не видел тело. Может, Фэй Брук вовсе не умерла? Может, вы меня разыгрываете?
- РУПЕРТ. Для чего? Какой смысл?
- БРАУН. А я почему знаю? Может, вы обожаете такие шутки? Спасли, а теперь издеваетесь? Ну, а чего еще ждать от пары извращенцев?
- РУПЕРТ. Заметьте, сейчас вы НАС невесть в чем обвиняете.
- БРАУН. Да у вас, у киношников, каждый второй – голубой. Считаете, вам все с рук сойдет. Вам закон не писан. И божий суд вам нипочем!
- РУПЕРТ. Отменная проповедь, мистер Браун, но зря вы все-таки доверяете «Голливудским сплетням». Их послушать, так в Калифорнии всех детей зачал один папаша – кинозвезда Кларк Гейбл. Альфа-самец. А теперь, будьте так любезны, одолжите мне ваш фотоаппарат?
- БРАУН. Это еще зачем?

- РУПЕРТ. Хочу запечатлеть место преступления.
- СИЛЬВЕРМАН. Преступления? Но мы же ни в чем не уверены...
- РУПЕРТ. Повторяю, она была сегодня совершенно счастлива. Ну, с какой стати счастливой, влюбленной женщине – а вы сами сказали, что она влюблена, доктор! – с какой стати женщине, которая намерена выйти замуж, вдруг...
- БРАУН. Замуж? За кого?
- РУПЕРТ. А вам какое дело?
- БРАУН. Людям же интересно!
- СИЛЬВЕРМАН. За Виктора Скотта.
- РУПЕРТ. Сильверман?! Вы сбрендили?
- БРАУН. Виктор Скотт? ВИКТОР СКОТТ? Ничего себе! Но разве он не...
- РУПЕРТ. Поздравляю, доктор. Ну кто вас за язык тянул?
- СИЛЬВЕРМАН. Да какое это теперь имеет значение? Она же умерла...
- РУПЕРТ. Все, я пошел фотографировать комнату Фэй.
- БРАУН. Я с вами.
- РУПЕРТ. Нет, вы останетесь здесь, с доктором.
- БРАУН. Что? Ну точно посадить меня хотите!
- РУПЕРТ. С чего вы взяли?
- БРАУН. Да вы же только что обвинили меня в убийстве, а теперь идете фотографировать труп Фэй Брук моим аппаратом! Так вот: фото делаю я. Или никто. Понятно?
- РУПЕРТ. Ну ладно, пошли. Только ничего там не трогайте. Ясно?

*Они выходят. Доктор продолжает сидеть, обхватив голову руками.
За дверью, в прихожей, появляется миссис Пич с подносом в руках.*

-
- МИССИС ПИЧ. Горячий шоколад, доктор Сильверман. Хотите?
- СИЛЬВЕРМАН. Спасибо, Грейс. *(Она вручает ему чашку и направляется к выходу.)* Посидите со мной немножко?
- МИССИС ПИЧ. Мне бы надо с ужином разобраться. Сейчас, конечно, не до еды, но потом все проголодаются...
- СИЛЬВЕРМАН. Ну пожалуйста, прошу вас... *(Миссис Пич кивает, садится. Сильверман прихлебывает шоколад.)* Очень вкусно. И густой, как я люблю.
- МИССИС ПИЧ. Я всегда целую кастрюлю к вашему приезду готовлю, доктор Сильверман.
- СИЛЬВЕРМАН. Балуете меня. Лучше вас никто шоколад не готовит.
- МИССИС ПИЧ. Да бог с вами! Это проще простого.
- Пауза.*
- СИЛЬВЕРМАН. Грейс, знайте, я сделал все, что мог.
- МИССИС ПИЧ. Да никто и не сомневается. Вы так ей преданы.
- СИЛЬВЕРМАН. Но она уже ни на что не реагировала. Я не смог вернуть ее к жизни. Не смог. *(Сильверман всхлипывает. Миссис Пич держится стоически.)* Расскажите, пожалуйста, подробно: как прошел день?
- МИССИС ПИЧ. Да все с ней хорошо было. Перед самым вашим приездом спорила с мистером Грантом...
- СИЛЬВЕРМАН. О чем?
- МИССИС ПИЧ. Я не прислушивалась. Простите. А потом она пошла прилечь.
- СИЛЬВЕРМАН. Во сколько это было?
- МИССИС ПИЧ. Часов в шесть, может чуть позже. Сказала, что устала. Все как всегда. Велела разбудить к ужину, мы договорились, что ужин сегодня в восемь. Ну и сразу вы с мистером Брауном пришли.
- СИЛЬВЕРМАН. Сразу – это как?

- МИССИС ПИЧ. Буквально через пять минут.
- СИЛЬВЕРМАН. Понятно. Вы относили что-нибудь ей в комнату?
- МИССИС ПИЧ. Бутылку воды. Она всегда просит, чтобы на тумбочке вода стояла: таблетки запить или просто во рту со сна пересохнет...
- СИЛЬВЕРМАН. А когда она в последний раз приняла транквилизатор?
- МИССИС ПИЧ. Сегодня днем, часа в два. Ненадолго хватило, к вечеру опять была на взводе.
- СИЛЬВЕРМАН. А почему приняла? Ей было плохо? Грустно?
- МИССИС ПИЧ. Пожалуй... Надо было остановить ее, да? Кажется, это моя вина...
- СИЛЬВЕРМАН. Глупости, Грейс. Она глотала их как монпансье. Как тут остановишь?
- МИССИС ПИЧ. У нее со сном в последнее время был беспорядок. От этого тоже настроение портилось. Она вообще считала, что если не выспалась – жизнь не удалась.

Сильверман расхаживает по гостиной, подходит к окну, всматривается в темноту.

- СИЛЬВЕРМАН. Во флигеле кто-то поселился?
- МИССИС ПИЧ. Нет. Почему вы так решили?
- СИЛЬВЕРМАН. Когда мы входили в дом, там в окне горел свет. И сейчас снова мелькнул, вот только что.
- МИССИС ПИЧ. Наверно луна в стеклах отражается.

Сильверман закрывает центральные двери в гостиную.

- СИЛЬВЕРМАН. Теперь о Брауне... Какие наблюдения?
- МИССИС ПИЧ. Да никаких. Я проводила его наверх, в ванную. Дала халат и пошла в комнату мистера Гранта подобрать одежду. Тут

погас свет, и меня позвал мистер Грант. Ну, я зажгла керосинку и пошла вниз – свечи искать.

СИЛЬВЕРМАН. Сколько времени вы на это потратили? В общей сложности?

МИССИС ПИЧ. Немного, минут пять.

СИЛЬВЕРМАН. А вещи Брауна? Вы же повесили их сушить, да? Там не было ничего подозрительного? Билеты, чеки... да что угодно!

МИССИС ПИЧ. Ничего не было.

СИЛЬВЕРМАН. А потом вы его снова повели наверх, так ведь? Он же первый раз в халате спустился. Кстати, его комната далеко от спальни Фэй?

МИССИС ПИЧ. Через две двери.

СИЛЬВЕРМАН. То есть, времени ему бы хватило.

МИССИС ПИЧ. На что?

СИЛЬВЕРМАН. Руперт уверен, что Браун ведет себя очень подозрительно. Но, с другой стороны, зачем Брауну убивать Фэй? Он даже не знал, что это ее дом.

МИССИС ПИЧ. Так ли?..

СИЛЬВЕРМАН. Неизвестно. Но Руперт уж слишком напирает на версию убийства.

МИССИС ПИЧ. Это в его интересах.

СИЛЬВЕРМАН. Почему?

МИССИС ПИЧ. Ему выгодно, если это убийство, а не самоубийство.

СИЛЬВЕРМАН. Почему, Грейс?!

МИССИС ПИЧ. Простите. Зря я об этом заговорила.

СИЛЬВЕРМАН. Если вы заметили что-то странное, непременно скажите. Ну же, Грейс!

МИССИС ПИЧ. Я случайно слышала разговор мистера Гранта по телефону... перед самым вашим приездом... пока линию не отключили.

СИЛЬВЕРМАН. С кем он говорил?

МИССИС ПИЧ. Точно не знаю, похоже – с кем-то со студии...

СИЛЬВЕРМАН. Так... продолжайте...

МИССИС ПИЧ. Я не собиралась подслушивать, но он упомянул мисс Брук...

СИЛЬВЕРМАН. И что сказал?

МИССИС ПИЧ. Жаловался на проволочки... что они никак картину доснять не могут... что мисс Брук ненадежна. Сказал, что на крайний случай уже договорился с Ингрид Бергман, так что беспокоиться не о чем... И еще одно...

СИЛЬВЕРМАН. Ну же, Грейс?

МИССИС ПИЧ. Он еще упомянул страховку... по ней могут и не выплатить в каком-то случае. А в каком? Ведь по страховке не выплачивают при самоубийстве, верно, доктор?

СИЛЬВЕРМАН. Он так и сказал – при самоубийстве?

МИССИС ПИЧ. Нет, слова этого не говорил. Но смысл такой.

СИЛЬВЕРМАН. Боже всевышний!..

МИССИС ПИЧ. Зря я это рассказала.

СИЛЬВЕРМАН. Разумеется, не зря. Вы выполнили свой долг. (*Сильверман залпом допивает шоколад.*) Спасибо, Грейс. Очень вкусно.

МИССИС ПИЧ. Хотите еще чашечку?

СИЛЬВЕРМАН. Не откажусь.

Миссис Пич забирает у него чашку и встает. Внезапно Сильверман хватается за сердце. Ловит ртом воздух.

МИССИС ПИЧ. Доктор Сильверман! (*подбегает к нему*) Доктор Сильверман!

Дверь открывается. Входят Браун и Руперт.

РУПЕРТ. Что случилось?

МИССИС ПИЧ. Не знаю... плохо ему вдруг...

СИЛЬВЕРМАН. Мой саквояж... Таблетки...

*Руперт бросается к саквояжу, роется в поисках таблеток.
Сильверману по-прежнему очень плохо, он с трудом дышит, держится за сердце. Руперт находит несколько пузырьков.*

РУПЕРТ. Которые?

МИССИС ПИЧ. Нитроглицерин.

Уже направляясь к Сильверману, Руперт открывает янтарного цвета пузырек и, вытряхнув на ладонь таблетку, отдает ее миссис Пич. Та тут же кладет таблетку в рот доктору. Ему почти сразу становится лучше.

СИЛЬВЕРМАН. Ох... отпустило... Спасибо.

РУПЕРТ. Что с вами?

МИССИС ПИЧ. Грудная жаба у него. Давно такого приступа не было. Думаю, перенапрягся – человека из речки вытаскивал.

СИЛЬВЕРМАН. Ну, сделали фотографии?

РУПЕРТ. Послушайте, Сильверман. Вам сейчас нужен покой...

СИЛЬВЕРМАН. Да я уже в порядке. Поверьте – все хорошо. Так вы сфотографировали... тело?

РУПЕРТ. Да. Дело нехитрое.

БРАУН. Красивая женщина! Жаль, не успел с ней познакомиться. Не вовремя она на себя руки наложила.

РУПЕРТ. Вы опять за свое? С чего вы взяли, что она наложила на себя руки?

БРАУН. Так это же очевидно! Там на тумбочке целая батарея бутылок и склянок!

Миссис Пич пристально смотрит на Руперта.

- СИЛЬВЕРМАН. Каких именно?
- БРАУН. Пустая бутылка из-под бурбона. И пузырьки с лекарствами – как в аптеке.
- СИЛЬВЕРМАН. Сколько же она выпила бурбона?
- РУПЕРТ. При мне – пару бокалов. Верно, миссис Пич?
- МИССИС ПИЧ. Верно. Но потом она попросила еще одну бутылку. Я не хотела давать, но...
- РУПЕРТ. Когда Фэй что-то требует, попробуй – не дай!
- СИЛЬВЕРМАН. Грейс! Я же велел отслеживать, сколько она пьет! И не давать лишнего! Особенно, когда мы снижаем дозу.
- МИССИС ПИЧ. Я знаю... я виновата...
- РУПЕРТ. Не вините себя, миссис Пич.
- СИЛЬВЕРМАН. И что за аптека на тумбочке?
- РУПЕРТ. Лично я видел только один пузырек, причем пустой. Миссис Пич говорила, что транквилизаторы как раз кончились.
- БРАУН. Ну ладно, про аптеку я для красного словца ввернул. Но там не один, а два пузырька.
- РУПЕРТ. Вы не разглядели в темноте.
- БРАУН. У меня аппарат со вспышкой. Там точно два пузырька.
- РУПЕРТ. А я говорю – один.
- БРАУН. Так давайте сходим туда, посмотрим?
- РУПЕРТ. Нет. Пусть Фэй покоится с миром. Ей не понравится, что по дому шастает, кто ни попадя.
- БРАУН. Ей уже все равно. А я хочу проверить. (*выходит*)
- СИЛЬВЕРМАН. Погодите, я с вами...

*Сильверман делает несколько шагов,
но пошатнувшись вынужден сесть –
у него явно кружится голова.*

РУПЕРТ. Старина, не трепыхайтесь, вам нельзя напрягаться.

СИЛЬВЕРМАН. Да, что-то мне нехорошо. Видно, устал... и такое потрясение... такое потрясение...

Сильверман пытается встать.

РУПЕРТ. У вас же приступ только что был этой... грудной жабы. Не вздумайте вставать.

МИССИС ПИЧ. Я вам сейчас горячего шоколада принесу.

СИЛЬВЕРМАН. Спасибо, Грейс. (*Миссис Пич выходит.*) Не вижу признаков суицида.

РУПЕРТ. Согласен. Скорее всего – убийство.

СИЛЬВЕРМАН. Убийство? Господи! Но кто же убийца?

РУПЕРТ. Разве не ясно? Браун!

СИЛЬВЕРМАН. Браун? Зачем ему убивать Фэй? Кому вообще понадобилось ее убивать?

РУПЕРТ. Виктору Скотту.

СИЛЬВЕРМАН. Скотту? Но почему? Боже, я не понимаю...

РУПЕРТ. Из-за ее безумной идеи. Ей же захотелось стать первой леди! Скотт, разумеется, не собирался бросать жену. Фэй угрожала рассказать об их связи журналистам, дать скандальное интервью. И он решил этого не допустить. Любым способом.

СИЛЬВЕРМАН. Так ее Скотт убил?

РУПЕРТ. Ну, не сам. Он же не станет руки марать. Но он мог кому-нибудь заплатить.

СИЛЬВЕРМАН. Наемному убийце?

-
- РУПЕРТ. Именно!
- СИЛЬВЕРМАН. То есть... вы полагаете... он нанял Брауна? (*Руперт кивает с подтекстом 'весьма вероятно'.*) Ну, не знаю... По-моему, за уши притянута... Как в дурном кино...
- РУПЕРТ. А вы вспомните, что у них на кону – у Скотта, у всей его команды!
- СИЛЬВЕРМАН. Да Браун и не похож на наемного убийцу...
- РУПЕРТ. Фэй, между прочим, чувствовала, что она в опасности. Даже револьвером обзавелась.
- СИЛЬВЕРМАН. Не смешите. У Фэй – револьвер? (*Руперт вынимает из ящика чехол с револьвером и, не открывая, показывает Сильверману.*) Боже правый!
- РУПЕРТ. Не может это быть простым совпадением: Браун проезжает неподалеку, находит предлог попасть в дом, а через час она мертва.
- СИЛЬВЕРМАН. Ну проезжает, и что? Он пишет книгу о церковной архитектуре.
- РУПЕРТ. Ага, специалист по архитектуре. У нашей церкви, прошу заметить, вовсе не двенадцать, а шестнадцать граней. Настоящий специалист это знает...
- СИЛЬВЕРМАН. Но...
- РУПЕРТ. И кто в здравом уме едет смотреть церковь в такой снегопад?
- СИЛЬВЕРМАН. Тут вы правы.
- РУПЕРТ. Думаете, почему я взял его наверх? Хотел посмотреть на его реакцию, когда он увидит свою жертву. Распростертую на кровати. И представьте, доктор! У него ни один мускул не дрогнул. Никаких эмоций!
- СИЛЬВЕРМАН. Но как он убил, когда?..
- РУПЕРТ. Его комната – совсем рядом со спальней Фэй. Он сделал свое черное дело, потом спустился в подвал, вырубил свет и

быстро поднялся в гостиную – помните, как внезапно он появился?

СИЛЬВЕРМАН. Да-да, он меня до полусмерти напугал. Но почему же он до сих пор тут? Ведь дело исполнено?

РУПЕРТ. Потому что все мы – свидетели. Мы сможем его опознать.

СИЛЬВЕРМАН. Да-да... к тому же он подозрительно много знает о Фэй. Из журнала таких подробностей не вычитаешь...

РУПЕРТ. А я вам о чем толкую? Идеальное убийство. Замаскированное – его стараниями – под самоубийство.

СИЛЬВЕРМАН. Попытки самоубийства действительно были и прежде, поэтому судмедэксперт вникать не станет. Бегло осмотрит тело и напишет заключение.

РУПЕРТ. А если что-то и заподозрит, люди Скотта на него нажмут, напомнят малоприятные факты из его биографии, пригрозят... (*Свет внезапно гаснет.*) Черт! Опять Браун?!

СИЛЬВЕРМАН. Ничего-ничего... у меня зажигалка есть... вот тут где-то...

РУПЕРТ. Осторожнее!

СИЛЬВЕРМАН. Вот, нашел!

*Сильверман щелкает зажигалкой.
При ее свете видно, что он совсем в другой стороне гостиной,
на изрядном расстоянии от Руперта.*

РУПЕРТ. Могу поклясться, что вы...

*Сильверман зажигает свечу. Она освещает Брауна.
Сильверман подпрыгивает от неожиданности.*

СИЛЬВЕРМАН. Боже правый! Откуда вы взялись? С вами кондратий хватит!

БРАУН. Простите, что опять напугал. Он исчез!

СИЛЬВЕРМАН. Кто исчез?

БРАУН. Пузырек. Второй пузырек с лекарством.

-
- РУПЕРТ. Его и не было.
- БРАУН. Был. Я сам видел. Хлор... чего-то там...
- СИЛЬВЕРМАН. Хлоргидрат?!
- БРАУН. Точно! Маленький такой пузырек, с синей наклейкой.
- СИЛЬВЕРМАН. Не-е-ет! Невозможно! Как она могла его раздобыть? Откуда? Без моего ведома...
- БРАУН. А что за лекарство?
- СИЛЬВЕРМАН. Сильнейшее снотворное.
- БРАУН. Так у нее передоз? Или все же самоубийство?
- РУПЕРТ. Браун! Чем болтать вздор, почините-ка лучше генератор.
- БРАУН. Да, пожалуй, пора пролить свет на это темное дельце.
- РУПЕРТ. И на этот раз чините как следует.
- БРАУН. Слушаюсь и повинуюсь.
- Браун уходит. Руперт зажигает свечу.*
- СИЛЬВЕРМАН. Не понимаю. Где она раздобыла снотворное?
- РУПЕРТ. Бог с ним, со снотворным. Нас сейчас волнует Браун.
- Руперт плотно закрывает двери.*
- СИЛЬВЕРМАН. Вы о чем?
- РУПЕРТ. Я... просто предлагаю быть бдительными. Если Браун действительно наемный убийца, то...
- СИЛЬВЕРМАН. Вы что же, полагаете, мы на очереди?
- РУПЕРТ. Вполне возможно. Он хладнокровно убил Фэй и с легкостью убьет всех, кто ему мешает. Я бы не рисковал. Пожалуй, пора вооружаться. (*Руперт идет к буфету, выдвигает ящик, потом другой, третий. Судорожно ищет, озирается.*) Да что такое... Револьвер исчез!

- СИЛЬВЕРМАН. Не может быть. Вы же мне его только что показывали.
- РУПЕРТ. И положил на место. Но его тут нет.
- СИЛЬВЕРМАН. Может, его и не было?
- РУПЕРТ. То есть как?
- СИЛЬВЕРМАН. Может, никакого револьвера не было?
- РУПЕРТ. Вы в своем уме? Был! Вот тут лежал!
- СИЛЬВЕРМАН. Вы показали мне чехол, сказали, что внутри револьвер. Но лично я его не видел.
- РУПЕРТ. Вот в этом ящике он был. Настоящий револьвер.
- СИЛЬВЕРМАН. И где он сейчас?
- РУПЕРТ. Не знаю. Наверно, кто-то взял.
- СИЛЬВЕРМАН. Глупости. Мы с вами не выходили из комнаты.
- РУПЕРТ. Когда погас свет – вот сейчас, во второй раз, – я думал, что вы стоите рядом. Но зажигалкой вы щелкнули на другом конце комнаты... И тут же появился Браун! Наверно, Браун и взял револьвер.
- СИЛЬВЕРМАН. Для чего? Оружие у него наверняка есть – раз он наемный убийца.
- РУПЕРТ. Он же в речку свалился. Может, у него пистолетик подмок.
- СИЛЬВЕРМАН. Но откуда ему знать, что револьвер в ящике? И еще одно не сходится...
- РУПЕРТ. Что именно?
- СИЛЬВЕРМАН. Да со снотворным. Если он хочет выдать это за самоубийство, почему подложил именно хлоргидрат?
- РУПЕРТ. Я же вам объяснил...

- СИЛЬВЕРМАН. Проще было набросать пустые пузырьки от ее обычных лекарств, которые я прописывал. Или от тех, что можно купить без рецепта.
- РУПЕРТ. Когда мир узнает о смерти Фэй, будет страшный скандал. Вы же не дурак, доктор, сами понимаете. Но я на вашей стороне и постараюсь вас защитить.
- СИЛЬВЕРМАН. Защитить? От чего? От кого?
- РУПЕРТ. Обвинения посыплются со всех сторон. Не те препараты, не так лечили... Назовут коновалом. Обычное дело.
- СИЛЬВЕРМАН. Но я ни в чем...
- РУПЕРТ. Я-то знаю, что вы всегда действовали исключительно в интересах Фэй, но убедить в этом публику будет ох как нелегко.
- СИЛЬВЕРМАН. Да почему, собственно?
- РУПЕРТ. Как только обнаружится, что Фэй собиралась замуж за Скотта, все решат, что его люди разделались с ней вашими руками. Чтобы все было шито-крыто.
- СИЛЬВЕРМАН. Да я этого Скотта в глаза не видел!
- РУПЕРТ. Чем абсурднее обвинение, тем легче в него верят. Два и два в таких случаях всегда – семь. Теория заговора. (*Зажигается свет.*) Ура! Давно бы так. Не выпить ли нам по этому поводу, доктор?
- СИЛЬВЕРМАН. Я не буду.
- РУПЕРТ. А я выпью.
- Руперт идет к бару с напитками.*
- СИЛЬВЕРМАН. Нет, погодите... мы же снижали дозу... и я ни коим образом не мог... Стоп! Я действительно недавно выписывал хлоргидрат...
- РУПЕРТ. Молчите, Сильверман, тссс! Яму-то себе не ройте!
- СИЛЬВЕРМАН. Да, выписывал. Но не Фэй, а вам.

- РУПЕРТ. Что?!
- СИЛЬВЕРМАН. Да-да, я точно помню! Именно вам!
- РУПЕРТ. Гмм... Не припоминаю...
- СИЛЬВЕРМАН. Вы пожаловались, что плохо спите, когда летаете в Голливуд. И я выписал вам рецепт... Господи, Руперт! Неужели это вы дали Фэй снотворное? (*Руперт молчит.*) И чтобы отвлечь от себя подозрение, несли всю эту чушь про Брауна? И что меня нужно защищать? (*Руперт молчит. Сильверман надвигается на него угрожающе*). Отвечайте, черт подери!
- РУПЕРТ. Она была в панике. Я велел принять несколько капель, максимум пол чайной ложки... она мучилась, хотела заснуть...
- СИЛЬВЕРМАН. Вы идиот! Кретин! Вы понимаете, что наделали? Боже...
- РУПЕРТ. Я ничего не...
- СИЛЬВЕРМАН. Это вы ее убили! Вы! Кретин несчастный...
- РУПЕРТ. Так, погодите, я не...
- СИЛЬВЕРМАН. Вы не имели права ничего ей давать. Я ее врач! Надо было меня спросить...
- РУПЕРТ. Но я же сам принимал! И как видите, жив-здоров...
- СИЛЬВЕРМАН. Сочетание таких препаратов ведет к летальному исходу. Летальному! Сердечная мышца становится чувствительна к адреналину – укол, и сердце останавливается за пару секунд.
- РУПЕРТ. Откуда я знал?
- СИЛЬВЕРМАН. Надо было спросить!
- РУПЕРТ. Минутку. Вы сказали: сердце останавливается из-за адреналина?
- СИЛЬВЕРМАН. Да. Начинается аритмия, а потом наступает необратимая остановка.

- РУПЕРТ. Тогда ее убили вы, Сильверман. Вы, а не я. Вы же сделали ей укол адреналина в сердце.
- СИЛЬВЕРМАН. Но если бы вы не дали ей хлоргидрат...
- РУПЕРТ. А вот это уже не важно. К летальному исходу привели ваши действия.
- СИЛЬВЕРМАН. Бред! Я пытался ее спасти! Исходя из симптомов, в соответствии с общепринятой практикой!
- РУПЕРТ. Зря вы на меня запал тратите, доктор. Убеждать придется не меня. Представьте заголовки: «Актрису убил личный врач!» «Звезду накачивали наркотиками!» «Смертельный укол в сердце!» Кто поверит, что вы пытались ее спасти?
- СИЛЬВЕРМАН. Вам эта версия явно по душе. Что угодно, только не самоубийство, верно?
- РУПЕРТ. Вы о чем?
- СИЛЬВЕРМАН. О вашем драгоценном фильме. Если Фэй покончила с собой, вам не выплатят страховку.
- РУПЕРТ. Вообще не понимаю, о чем вы.
- СИЛЬВЕРМАН. Не разыгрывайте святую невинность. Фэй была застрахована, так?
- РУПЕРТ. Разумеется. Обычная практика...
- СИЛЬВЕРМАН. Но при самоубийстве страховку не выплатят. Я прав? *(Руперт не отвечает.)* Скотина!
- РУПЕРТ. Послушайте...
- СИЛЬВЕРМАН. Поэтому вы так хотели уличить Брауна!
- РУПЕРТ. С ним дело явно нечисто.
- СИЛЬВЕРМАН. На эту историю можно посмотреть под совсем другим углом. Скажут, что вы захотели избавиться от Фэй. Звезда с капризами, болезнями... Кость в горле продюсера.
- РУПЕРТ. Да, Фэй – не подарок, но это еще не повод...

СИЛЬВЕРМАН. Однако расторжение контракта обернулось бы серьезными убытками, верно? Куда лучше устроить маленький несчастный случай. Неудачное – точнее, удачное – сочетание лекарств, одно из которых вы подсунули сами. Летальный исход. Все проблемы решены.

РУПЕРТ. Но я ничего не понимаю в лекарствах!

СИЛЬВЕРМАН. Зря вы на меня запал тратите. Убеждать придется не меня. Я верно цитирую?

РУПЕРТ. Давайте рассуждать здраво. И вы, и я заботились об интересах Фэй, пока она была жива. Но теперь надо и о себе подумать.

СИЛЬВЕРМАН. Как вы смеете? Фэй лежит наверху, не остыла еще!

РУПЕРТ. Послушайте, я предлагаю простую вещь! Чистосердечное признание. Вы признаетесь, что забыли о несочетаемости препаратов. Пациентка в коме, вы пытаетесь вернуть ее к жизни. Вкальваете адреналин. А ей это противопоказано. Врачебная ошибка, с кем не бывает?

СИЛЬВЕРМАН. Иными словами: вяжите меня, я ее убил? Вы подлец!

РУПЕРТ. Под суд вас не отдадут, ведь людям свойственно ошибаться. У вас за плечами долгая, успешная карьера. Вы заслужили счастливую старость. Купите шикарную квартиру в теплых краях, отправитесь в кругосветку. А я пока досниму фильм, скандал уляжется... Доктор, моя признательность не будет иметь границ, можете на меня рассчитывать.

СИЛЬВЕРМАН. Весьма благородно с вашей стороны, Руперт. Фэй скончалась меньше часа назад, а вы думаете только о том, как получить страховку!?

Сильверман идет к Руперту, готовится ударить.

РУПЕРТ. Я реалист, доктор. Давайте лучше договоримся!

Сильверман наносит ему удар в живот.

СИЛЬВЕРМАН. Бесчувственная свинья! Скотина! (*Руперт падает на пол.*)
Встань, скотина, я тебе еще раз врежу! Убью!

РУПЕРТ. Успокойтесь, доктор. А то снова жаба задушит. Грудная.

Руперт встает, Сильверман пытается ударить снова, но вдруг пятится и почти теряет равновесие, потому что открываются центральные двери и в гостиную входит Фэй – в шубе и сапожках, припорошенных снегом.

ФЭЙ. Что это вы так кипятитесь, мальчики?

*Руперт и Сильверман теряют дар речи.
Затемнение.*

АКТ II

*Руперт в оцепенении. Сильверман медленно оседает на стул.
Оба смотрят на Фэй во все глаза.*

СИЛЬВЕРМАН. Не может быть...

РУПЕРТ. Боже мой, Фэй...

ФЭЙ. Что у вас происходит, мальчики? Почему деретесь? Что-нибудь случилось?

РУПЕРТ. Случилось – не то слово. Ничего не понимаю... Но как же я рад тебя видеть! Дай обниму! (*обнимает*) Фэй, Фэй... Ты даже не представляешь, как я рад.

ФЭЙ. Что уж так радоваться? Вчера только виделись.

СИЛЬВЕРМАН. Ты жива!

РУПЕРТ. Мы думали, ты умерла.

ФЭЙ. Вы что, с ума посходили? Из-за чего ссорились-то?

СИЛЬВЕРМАН. Мы думали, ты умерла.

ФЭЙ. Умерла? Что за глупые шутки?

РУПЕРТ. Как это – «вчера виделись»?

Руперт направляется к центральным дверям.

ФЭЙ. Руперт, ты куда?

РУПЕРТ. Стой на месте, ни шагу!

ФЭЙ. Что-о?

РУПЕРТ. Стой тут, я сейчас. *(выходит)*

ФЭЙ. Да объясните же мне, наконец, что происходит!

Входит Браун.

БРАУН. Куда это он побежал? *(Замечает Фэй.)* Черт возьми! Что такое?.. *(Смотрит на Сильвермана.)* Она? Собственной персоной? *(Доктор кивает.)* Ах ты, дьявол!..

Садится.

ФЭЙ. А вы у нас кто будете?

БРАУН. Я у вас... Поклонник таланта... Рад приветствовать...

ФЭЙ. Ну и вам привет... Генри, а с Кларой ты уже познакомился?

БРАУН. С кем?

ФЭЙ. С Кларой...

Браун смотрит на доктора.

СИЛЬВЕРМАН. С какой Кларой? Главное – ты жива!

ФЭЙ. Жива и не думала умирать. Погоди...так может это Клара?.. *(Фэй выбегает, слышен ее голос)* Клара!

БРАУН. Кто такая Клара?

СИЛЬВЕРМАН. Понятия не имею.

БРАУН. Доктор, я что-то запутался. Покойница там в спальне – это Фэй Брук или нет?

СИЛЬВЕРМАН. Да... То есть, видимо, нет... Я был уверен, что да.

- БРАУН. Значит, покойница теперь бегает по дому живая-здоровая?
Ну, с вами не соскучишься!
- Слышны голоса Руперта и Фэй за сценой.*
- ФЭЙ. (голос) Это она? Ну дай же взглянуть!
- РУПЕРТ. (голос) Пожалуй, тебе не стоит...
- ФЭЙ. (голос) Но я хочу! Я хочу ее видеть!
- РУПЕРТ. (голос) А я говорю, не нужно... Пойдем вниз, налью тебе чего-нибудь
выпить.
- ФЭЙ. (голос) Вызови скорую!
- РУПЕРТ. (голос) Фэй...
- Руперт вводит в комнату взволнованную Фэй,
усаживает у камина.*
- ФЭЙ. Она, в самом деле, мертва?
- РУПЕРТ. Да.
- СИЛЬВЕРМАН. Да кто – она? Руперт, что происходит? Кто такая Клара?
- ФЭЙ. Моя подруга.
- БРАУН. Минуточку. Выходит – покойница как лежала там наверху,
так и лежит?
- РУПЕРТ. К общему сожалению.
- БРАУН. И она вовсе не Фэй Брук, а подруга Клара? Подруга,
похожая, как живой портрет? То есть, уже неживой...
- ФЭЙ. Это я во всем виновата. Нельзя было соглашаться. Но она
так уговаривала...
- РУПЕРТ. И на что же она тебя уговорила?
- СИЛЬВЕРМАН. Ох, до сих пор поверить не могу! Ты жива. Какое счастье!..
Но все же там, у тебя в спальне, труп...

- РУПЕРТ. Откуда взялась эта Клара?
- ФЭЙ. Она мне письмо написала.
- СИЛЬВЕРМАН. Поклонница?
- ФЭЙ. Можно и так сказать.
- РУПЕРТ. Но почему твоя... поклонница стала покойницей?
- ФЭЙ. Боже, бедная Клара...
- СИЛЬВЕРМАН. Сходство поразительное. Она тебе родня?
- РУПЕРТ. Сестра-близняшка? Из мыльной оперы?
- ФЭЙ. Нет, никакая не сестра... Она прислала фотографию – я глазам не поверила. Как в зеркало смотришь. Мы обменялись парой писем, потом она предложила встретиться.
- РУПЕРТ. Зачем же ты согласилась?
- ФЭЙ. Захотела познакомиться. Она так идеально вошла в мой образ.
- БРАУН. Подумаешь, невидаль. Вон сколько актрис под Мэрилин Монро косят.
- СИЛЬВЕРМАН. Итак, вы встретились?..
- ФЭЙ. Не сразу. Мне и хотелось, и как-то боязно было. Запрятала куда-то ее фото и письма, думала – выбросила. А полгода назад вдруг наткнулась на них в ящике стола.
- РУПЕРТ. И что?
- ФЭЙ. И написала ответ.
- РУПЕРТ. Но зачем?
- ФЭЙ. Идейка одна возникла...
- РУПЕРТ. У тебя? Какая?

- ФЭЙ. Мы уже тогда с Виктором встречались, а пресса у меня всегда на хвосте висит, вот я и придумала...
- РУПЕРТ. ...завести дублершу?
- ФЭЙ. Ну да. Пусть ее фотографируют на приеме, на бродвейской премьере...
- РУПЕРТ. ...а в это чудное мгновение ты нежничаеть с Виктором в постели.
- ФЭЙ. Клара – танцовщица, но в ее возрасте трудновато найти работу. Я сняла для нее квартиру в Нью-Йорке.
- РУПЕРТ. Об этом кто-нибудь знал?
- ФЭЙ. Ни одна душа, даже миссис Пич.
- РУПЕРТ. А Виктор?
- ФЭЙ. Виктор?.. Да... конечно, знал. От него у меня нет тайн...
- РУПЕРТ. А зачем ты ее сегодня в дом пригласила?
- ФЭЙ. Решила, что пора ее тебе показать. Сама во флигеле спряталась. Думала, вот сядете ужинать – и тут явлюсь я. Эффектный выход, все немеют.
- РУПЕРТ. Эффект превзошел самые смелые ожидания.
- БРАУН. Подруга ваша уж точно онемела. Больше не заговорит.
- ФЭЙ. Я во всем виновата...
- РУПЕРТ. Не факт. Не торопись с выводами. Скорее всего, это несчастный случай.
- ФЭЙ. Как несчастный случай?
- СИЛЬВЕРМАН. Передозировка лекарственных средств.
- ФЭЙ. Не может быть. Откуда? Клара не принимала лекарств.
- РУПЕРТ. Значит, все-таки приняла. К тому же, она хорошо выпила. Очень хорошо.

- ФЭЙ. А миссис Пич видела, что она пила? И сколько?
- МИССИС ПИЧ. Собственными глазами наблюдала. *(Все нервно оборачиваются. Никто не заметил, как она вошла.)* Выпила она как обычно. Обычно – для вас, мадам.
- БРАУН. Сдается мне, мы упускаем из виду важное обстоятельство...
- РУПЕРТ. Какое же, просветите нас?
- БРАУН. Итак, условия задачи: есть женщина как две капли воды похожая на Фэй Брук, и все мы, включая меня, принимаем ее за Фэй Брук. Теперь эта женщина мертва.
- СИЛЬВЕРМАН. Мы это упускаем из виду?
- БРАУН. Минуточку. Кто-нибудь видел своими глазами, как она глотает таблетки?
- МИССИС ПИЧ. Я ничего подобного не наблюдала...
- БРАУН. Далее: эта женщина на самом деле не Фэй Брук и таблеток не принимает, однако же впадает в кому. Это наводит на мысль...
- РУПЕРТ. ...что причина смерти – насильственная.
- БРАУН. В яблочко. Убийцы тоже приняли Клару за Фэй...
- ФЭЙ. Убийцы??
- БРАУН. Да-да...
- ФЭЙ. Клару убили? Вместо меня? О боже!.. Значит, меня хотят убить?!
- СИЛЬВЕРМАН. Фэй, это весьма скороспелый вывод. Не волнуйся так...
- ФЭЙ. Не волнуйся? Меня хотят убить, а ты – «не волнуйся»!
- СИЛЬВЕРМАН. Совершенно безосновательный вывод. Сама посуди, кому понадобилось тебя убивать?

- ФЭЙ. Мало ли кому? Желающие всегда найдутся. Поклонники, безумцы всякие. Может, кто-то хочет, чтоб я с Виктором рассталась!
- БРАУН. Например, сам Виктор?
- ФЭЙ. Что вы себе позволяете? Какая наглость! Виктор меня обожает.
- БРАУН. Ну, извините, просто рабочая гипотеза.
- ФЭЙ. Вы вообще кто такой, и что делаете в моем доме?
- СИЛЬВЕРМАН. Это я его привел. Я за него ручаюсь.
- БРАУН. Я это... генератор вам починил.
- ФЭЙ. И теперь можно гадости говорить? Генри, ты давно его знаешь?
- СИЛЬВЕРМАН. Не слишком, но...
- БРАУН. Писатель я, краевед. Книжку про местную церковь пишу, материал собираю.
- РУПЕРТ. Про Старую церковь. Вы хоть знаете, что у нее на самом деле не двенадцать, а шестнадцать граней?
- БРАУН. Да, в геометрии я не силен. И что из этого следует?
- РУПЕРТ. То, что писатель-краевед – просто удобная легенда.
- БРАУН. Зачем мне легенда?
- РУПЕРТ. Только что погиб человек, а вы единственный чужак в доме, мистер Браун. Если, конечно, это ваше настоящее имя.
- БРАУН. Самое что ни на есть.
- РУПЕРТ. И что же вы под этим именем напечатали, позвольте спросить?
- БРАУН. Статейки все больше... Книгу пока не написал – вот, материалы собираю.

РУПЕРТ. Не написали? Только материалы собираете? А ведь уже вроде не юноша... Не верю!

БРАУН. Поверьте. Уже гора материалов накопилась.

РУПЕРТ. И где эта ваша гора? Показывайте!

БРАУН. В машине оставил...

РУПЕРТ. Гора родила мышь. Не верю!

БРАУН. Не хотите – не верьте. Я говорю, как есть...

*Во время следующего диалога Руперт подходит к окну,
отвязывает шторный шнур.*

РУПЕРТ. Материалы вы собирали месяц-два, может даже полгода, так? Для писателя это огромная ценность. И рискнули оставить их в машине?.. Сейчас скажете, что предусмотрительно сняли копии?

БРАУН. Скажу, что материалы мои никуда не денутся. Ну, допустим, наткнется кто-нибудь на машину в этом медвежьем углу – не станет же он ее взламывать и красть какие-то бесполезные бумажки. Вот фотоаппарат я оставить побоялся.

РУПЕРТ. Великолечно, теперь это «бесполезные бумажки».

БРАУН. Да кому они сдались, кроме меня? Я решил, что в машине целее будут. Там хотя бы сухо. А представьте, если б они со мной в речку провалились? Все, конец! *(Руперт набрасывает на Брауна шторный шнур, плотно стягивает петлю. Руки Брауна оказываются прижаты к телу.)* Что вы делаете? Отпустите!

РУПЕРТ. Предпринимаю меры безопасности. Сильверман, тащите сюда кресло. Вон то, от письменного стола. *(Браун пытается вырваться. Сильверман не двигается с места.)* Ну же, Сильверман, помогайте. *(Доктор по-прежнему недвижим. Руперт с трудом, неумело удерживает Брауна.)* Да помогите же, Сильверман!

ФЭЙ. Прекрати! Немедленно! Что ты делаешь?

РУПЕРТ. Догадайся с трех раз.

Сильверман все-таки приносит кресло. Они вдвоем силой усаживают Брауна, привязывают его руки к подлокотникам.

- БРАУН. Бред какой-то. Отпустите! Я ни в чем не виноват...
- РУПЕРТ. Полиция разберется. А до ее прибытия вы шагу отсюда не сделаете – думаю, так лучше для всех.
- СИЛЬВЕРМАН. Руперт, ваши меры безопасности излишни.
- РУПЕРТ. А может, наоборот, недостаточны? Что мы вообще про него знаем?
- БРАУН. Послушайте, ведь я первый это предположил! Насчет убийства. Не стал бы я такое говорить, если б сам...
- РУПЕРТ. Напротив, отличная маскировка!
- БРАУН. А что, если убийца не я, а кто-то из вас? Может, как раз вы? Может, это вы маскируетесь – связали невинного человека, строите из себя Шерлока Холмса?..
- РУПЕРТ. У меня идея: давайте ему рот заткнем.
- Руперт достает из нагрудного кармана платок, приближается к Брауну.*
- БРАУН. Что, я прав?
- Руперт пытается завязать ему рот платком.*
- ФЭЙ. Нет, погоди! А вдруг он прав?
- РУПЕРТ. В каком смысле – прав?
- БРАУН. Спасибо, мисс Брук, хоть вы защитили...
- ФЭЙ. А в таком – каждому из вас выгодно убрать меня с дороги. Я вам мешаю.
- РУПЕРТ. Фэй!
- ФЭЙ. Но я взяла и воскресла из мертвых к великому вашему огорчению, правда, Руперт?

- РУПЕРТ. Конечно, неправда. Я безмерно рад, просто счастлив, что ты воскресла.
- ФЭЙ. Еще бы не счастлив – можно и дальше подворовывать из моих гонораров...
- РУПЕРТ. Я...
- СИЛЬВЕРМАН. Что? Как это – подворовывать?
- БРАУН. Ах, какой поворот сюжета...
- ФЭЙ. Тебе от меня всяко – польза. Живую доить можно, а помри я – ты страховку получишь.
- РУПЕРТ. Фэй, ну в самом деле!..
- ФЭЙ. На какую же сумму ты меня застраховал?
- РУПЕРТ. Страхование – обычная практика в нашей профессии...
- ФЭЙ. Сумма?!
- РУПЕРТ. Ты застрахована, как положено, по всем статьям, от сломанного ногтя до...
- ФЭЙ. Сумма! Выкладывай!
- РУПЕРТ. Точных цифр я не помню, но знаю достоверно, что...
- БРАУН. В случае самоубийства страховка не выплачивается.
- РУПЕРТ. А вам лучше бы помолчать.
- ФЭЙ. Получишь кругленькую сумму, и можно следующую картину запускать – с Мэрилин, да? Или нет, с Ингрид!
- РУПЕРТ. Какая чепуха. Ты прекрасно знаешь, что я хочу работать только с тобой.
- ФЭЙ. Но моя «звезда закатилась».
- РУПЕРТ. Кто брякнул эту глупость? Твоя звезда светит ярче всех!

- БРАУН. Вы сами и брякнули. В интервью «Голливудским сплетням», никак позабыли?
- РУПЕРТ. Никакого интервью я туда не давал.
- ФЭЙ. А я думаю – давал, Руперт. Там все фразы и словечки – твои, я сразу узнала. Иное слово выдает с головой, верно?
- РУПЕРТ. В этой газетенке все ложь и обман.
- БРАУН. А по мне, так очень убедительное интервью.
- РУПЕРТ. Я вас предупреждал!

*Руперт подходит к Брауну,
снова пытается завязать ему рот платком.*

- БРАУН. Правде рот не заткнешь!
- СИЛЬВЕРМАН. Оставьте его. Это глупо.

*Сильверман спешит на помощь Брауну, отталкивает Руперта,
короткая борьба между ними.
Сильверман выхватывает из рук Руперта платок.*

- ФЭЙ. Генри, а ведь моя смерть тебе тоже была бы на руку?
- СИЛЬВЕРМАН. О чем ты?

Миссис Пич берет шубу Фэй и направляется к дверям.

- ФЭЙ. Куда это вы, интересно знать?
- МИССИС ПИЧ. С вашего позволения, мадам, отнесу шубу на вешалку. А потом подам ужин. Разумеется, все давно остыло...
- ФЭЙ. Какой еще ужин? Нам не до ужина.
- МИССИС ПИЧ. Тогда всю еду придется выбросить! Жалко!
- ФЭЙ. Раз жалко – подавайте. Но будете все с моей тарелки пробовать, первая. Отравить меня не удастся, не надейтесь. (*Миссис Пич выходит, бросив выразительный взгляд на Сильвермана. Фэй продолжает с намеком.*) Миссис Пич – верная душа. Вопрос: кому верная? Да, Генри?

- СИЛЬВЕРМАН. Ты о чем?
- ФЭЙ. Не разыгрывай простачка. Нам обоим хорошо известно, что она шпионит, доносит тебе о каждом моем вздохе: как поела, когда заснула, громко ли пукнула...
- СИЛЬВЕРМАН. Грейс – профессиональная сиделка, у нее большой опыт работы с...
- ФЭЙ. С кем? С психами?
- СИЛЬВЕРМАН. Я этого не говорил. Ты прекрасно понимаешь, что я хотел сказать.
- ФЭЙ. Я тебя больше понимать не желаю. И шпионку твою в доме не потерплю. Уволю!
- СИЛЬВЕРМАН. Уволишь? Но как же...
- ФЭЙ. Генри, ты воображаешь, что все делаешь для моей же пользы...
- СИЛЬВЕРМАН. Не воображаю, а на самом деле...
- ФЭЙ. На самом деле от твоих лекарств мозги набекрень. Похоже, именно этого ты и добиваешься.
- РУПЕРТ. То есть как “набекрень”?
- ФЭЙ. Голова отключается, соглашаюсь на все, что угодно, подпишу, что хочешь... Что Генри скажет.
- СИЛЬВЕРМАН. Именно из-за этого побочного эффекта я и решил постепенно сокращать дозы.
- ФЭЙ. Ну о-о-очень постепенно, да? Потому что транквилизаторы – это власть надо мной... А потом Клара нашла один любопытный документик.
- РУПЕРТ. Какой такой документик?
- ФЭЙ. Доверенность на имя Генри. Право полного распоряжения моим имуществом, если признают, что я – «*non compos mentis*».

- БРАУН. Если вы – что?
- ФЭЙ. «*Non compos mentis*». Латынь. «Не в своем уме».
- РУПЕРТ. Отлично задумано, Сильверман. Накачиваем Фэй наркотиками и объявляем ее «*non compos mentis*».
- СИЛЬВЕРМАН. Да нет же! Это для пользы самой Фэй...
- ФЭЙ. А ударил ты меня тоже для моей пользы?
- СИЛЬВЕРМАН. Я? Тебя?!
- БРАУН. Вот это номер! Вы ее ударили?
- СИЛЬВЕРМАН. Нет, и еще раз нет! Я тебя... встряхнул. У тебя была истерика, длилась она слишком долго, а это опасно. Нужно было немедленно привести тебя в чувство.
- ФЭЙ. Ты просто понял, что я тебя раскусила.
- СИЛЬВЕРМАН. Я вообще не сторонник насилия.
- РУПЕРТ. Ах, скажите, пожалуйста... А с кулаками на меня кто бросался?
- СИЛЬВЕРМАН. Это особый случай.
- БРАУН. Может, в особых случаях и бить пациента рекомендуется, а, доктор?
- СИЛЬВЕРМАН. Да не бил я ее!
- РУПЕРТ. А Фэй говорит, бил! За такие дела врачей практики лишают.
- СИЛЬВЕРМАН. Ну, сколько же раз повторять? Я действовал в интересах пациента...
- ФЭЙ. Мое слово против твоего. Клары нет, у нее не спросишь.
- РУПЕРТ. Ага, так поэтому вы и убили Клару?
- СИЛЬВЕРМАН. Я Клару не убивал. Напротив, я сделал все, чтобы ее спасти.

- РУПЕРТ. Да, это интересный, сильный ход. Вы всадили ей укол в сердце. Но вот вопрос: нужен ли был этот укол?
- СИЛЬВЕРМАН. Идиотский вопрос.
- БРАУН. Вы знали, что делаете укол не Фэй, а Кларе?
- СИЛЬВЕРМАН. Я Клару никогда в жизни не видел. О ее существовании я узнал только сейчас.
- БРАУН. А не врете?
- СИЛЬВЕРМАН. Повторяю еще раз. Я действовал в точном соответствии с медицинской практикой, по жизненным показаниям. Она была в коме.
- БРАУН. Но откуда кома? Лекарств она не принимала. И транквилизаторов тоже – только притворялась.
- СИЛЬВЕРМАН. У нее едва прощупывался пульс.
- РУПЕРТ. И мы должны верить вам на слово? Кроме вас никто ей пульс не проверял. И никто, кроме вас, не знает, что вы ей там вкололи – адреналин или что другое.
- СИЛЬВЕРМАН. Разумеется, адреналин. Укол не причинил бы ни малейшего вреда, если бы вы предварительно не угостили ее снотворным.
- РУПЕРТ. Сильверман, смените пластинку, что вы заладили про снотворное? Я дал его не Фэй, а здоровой женщине, Кларе. Она ваших зелий не принимала. И, кстати, может она и снотворное не приняла.
- СИЛЬВЕРМАН. Но может и приняла.
- РУПЕРТ. Это так. Но возникает более интересный вопрос. Как вы, личный врач, могли ошибиться? И принять за Фэй совершенно другую женщину?
- СИЛЬВЕРМАН. Я, извольте видеть, не производил полного осмотра умирающей. В этом не было необходимости. Мы все – и вы тоже – считали, что это Фэй! К тому же, в спальне было темно, генератор не работал.

- БРАУН. Идеальная возможность избавиться от Клары.
- СИЛЬВЕРМАН. Да сколько же раз повторять! Я понятия не имел ни о какой Кларе. Я был уверен, что это Фэй.
- БРАУН. Значит, вам было без разницы, кого на тот свет отправить – Фэй или Клару? Похоже, что так...
- Во внезапном приступе ярости
Сильверман надвигается на Брауна.*
- СИЛЬВЕРМАН. Замолчите, вы, негодяй! Подонок! *(Все замирают. Сильверман останавливается, приходит в себя, берет чашку с шоколадом.)* Я выполнил свой врачебный долг. Выполнил, как умел. Когда пациент умирает, легче всего обвинить врача. Если врач ничего не делает, не борется, его обвиняют в бездействии. *(Он допивает шоколад.)*
- ФЭЙ. Слушайте, мистер Браун, мне кажется, я вас где-то видела.
- БРАУН. В местной церквушке?
- ФЭЙ. Нет... Вы когда-нибудь бывали на приеме в Белом доме?
- БРАУН. Я? В Белом доме? Шутите...
- РУПЕРТ. А ведь точно, Фэй права. Мы вас в Белом доме видели. То-то я думаю, физиономия знакомая.
- ФЭЙ. Вы из спецслужб, да?
- БРАУН. *(смеется)* Из спецслужб? Час от часу не легче! А с какой стати, мисс Брук, вами станут интересоваться спецслужбы?
- ФЭЙ. Ну... я дружу с Артуром Миллером.
- БРАУН. А, с этим коммунякой.
- СИЛЬВЕРМАН. Он не коммуняка. Он – выдающийся писатель.
- БРАУН. Комитет по расследованию анти-американской деятельности другого мнения. На Миллера наложен штраф. Он отказался назвать имена других «выдающихся» писателей, таких же, как он, коммуняк.

- СИЛЬВЕРМАН. Он попал в сложную ситуацию...
- БРАУН. Да, бедненький... Скажите еще, что он написал невинную сказочку о судебном процессе над салемами ведьмами. На самом деле, его пьеска «Суровое испытание» - это наглый поклеп на сенатора Маккарти, который защищает нашу демократию от красных шпионов.
- СИЛЬВЕРМАН. Эта пьеса удостоена нескольких наград...
- БРАУН. Тогда совсем другое дело! Коммуняка Артур Миллер удостоен наград! Теперь я могу спать спокойно.
- ФЭЙ. А может, из мафии?
- БРАУН. Чего-чего?
- ФЭЙ. Может, вы из мафии?
- БРАУН. Что же вы такое натворили, мисс Брук, если думаете, что за вами охотятся спецслужбы и мафия?
- РУПЕРТ. Или люди Виктора.
- БРАУН. Это одно и то же.
- ФЭЙ. Мистер Браун, придержите язык.
- БРАУН. Теперь я, по-вашему, мафиози и наемный убийца? Неужели похож?
- ФЭЙ. Почему нет? Уж наверно наемный убийца не ходит со снайперской винтовкой наперевес?
- БРАУН. Снайпер давно бы вас издали снимал, ему в дом заходить ни к чему... Слушайте, отпустите меня. Я уйду, и вы меня больше никогда не увидите.
- СИЛЬВЕРМАН. Побегите напрямиком к газетчикам?
- БРАУН. Нет, обещаю.
- РУПЕРТ. Не волнуйся, Фэй, он никуда отсюда не уйдет.

- БРАУН. Да что вы в меня вцепились? Что я вам сделал? Вот же вяпался. Развяжите меня, я пойду.
- СИЛЬВЕРМАН. Позвольте мне как врачу дать вам совет...
- БРАУН. Это вы-то врач? Без ваших советов обойдусь.
- СИЛЬВЕРМАН. Я просто хотел заметить, что с тех пор, как я вытащил вас из речки, метель только усилилась.
- БРАУН. Да по мне лучше метель, чем в вашем осином гнезде взаперти сидеть. Каждый по своему псих и только о своей шкуре думает.
- ФЭЙ. Все, надоели эти стенания. Развяжи его, пусть убирается.
- РУПЕРТ. С какой стати?
- ФЭЙ. Идите, мистер Браун. И прихватите с собой этих двух приживал.
- СИЛЬВЕРМАН. Фэй...
- РУПЕРТ. Минуточку...
- БРАУН. Спасибо. Но я лучше один.
- ФЭЙ. Уходите все!
- СИЛЬВЕРМАН. Фэй, ну что ты говоришь?..
- ФЭЙ. То, что слышишь.
- СИЛЬВЕРМАН. Куда ты нас гонишь? На улице дикий холод!
- ФЭЙ. А мне все равно. Я никому из вас не верю и не хочу, чтобы вы оставались в доме. Убирайтесь!
- РУПЕРТ. Фэй, давай рассуждать разумно...
- ФЭЙ. А я уже рассудила. Даю десять минут на сборы. И шпионку свою не забудь, Генри! Пусть тоже выкатывается.
- СИЛЬВЕРМАН. Фэй!

ФЭЙ. Вон из моего дома!

Фэй выходит.

БРАУН. Ну что ж, пошли куда посылают. Не могу сказать, что было приятно познакомиться.

РУПЕРТ. Браун, на вас мой свитер.

БРАУН. Я вам его почтой вышлю. На улице холодрыга.

РУПЕРТ. Свитер кашемировый. Мой любимый. Снимайте.

БРАУН. Да пожалуйста, забирайте. Но я его испачкал.

Пока Браун стягивает свитер, Руперт берет фотоаппарат, открывает заднюю крышку, вытаскивает пленку.

БРАУН. Эй, какого черта? Все фото для книжки... Им же цены нет.

РУПЕРТ. Да, «Голливудские сплетни» заплатили бы за них неплохо.

БРАУН. Я не собирался их продавать...

РУПЕРТ. Теперь уж точно не продадите. *(Браун медлит, затем выходит. Руперт и Сильверман некоторое время молча разглядывают друг друга.)* Лично я никуда не пойду...

СИЛЬВЕРМАН. Подождем, она успокоится.

РУПЕРТ. Странно она себя ведет. Что-то с ней так... Не пойму... *(Сильверман на мгновение теряет равновесие, прикладывает руку ко лбу.)* Что с вами?

СИЛЬВЕРМАН. Опять прихватило. Ничего, пройдет. Что вы хотели сказать?

РУПЕРТ. При желании она может устроить веселую жизнь... нам обоим.

СИЛЬВЕРМАН. Значит, это правда?

РУПЕРТ. Что именно?

СИЛЬВЕРМАН. Вы в самом деле прикарманивали ее гонорары?

РУПЕРТ. Чтобь запустить картину, нужны деньги. Фэй ничего в этом не смыслит... Кроме того – учитывая доверенность на ее имущество – вам бы лучше помолчать!

СИЛЬВЕРМАН. Доверенность составлена исключительно для пользы...
(Слышится фырчание мотора и скрежет – кто-то пытается завести замерзшую машину.) Слышите?
(Сильверман бросается к окну.) Ах, черт возьми!

РУПЕРТ. Что там?

СИЛЬВЕРМАН. Браун пытается угнать мою машину!

РУПЕРТ. А откуда у него...

СИЛЬВЕРМАН. Ключи? Да я их всегда в зажигании оставляю.

Руперт тоже подходит к окну.

РУПЕРТ. Там еще кто-то маячит.

СИЛЬВЕРМАН. Где?

РУПЕРТ. Вон, у деревьев.

СИЛЬВЕРМАН. Не вижу... Ну, сейчас задам этому бандиту.

Сильверман выбегает. Входит миссис Пич, собирает бокалы.

МИССИС ПИЧ. Если вы проголодались, могу подать ужин...

РУПЕРТ. Вы великолепны, миссис Пич. Самообладание, как у Будды.
(Руперт смотрит в окно, затем поворачивается к миссис Пич.) А где Фэй?

МИССИС ПИЧ. Мадам заперлась в кабинете.

РУПЕРТ. И давно вы шпионите в пользу нашего доброго доктора?

Миссис Пич слегка огорошена, но сохраняет спокойствие.

МИССИС ПИЧ. Я не шпионю.

РУПЕРТ. Ну, хорошо-хорошо. Давно вы информируете нашего доброго доктора?

МИССИС ПИЧ. Я профессиональная сиделка. Я забочусь только о благополучии мисс Брук.

РУПЕРТ. И про Клару ничего не знали?

МИССИС ПИЧ. Нет.

РУПЕРТ. Что ж, Фэй вас перехитрила.

МИССИС ПИЧ. Если у вас больше нет ко мне вопросов, сэр...

РУПЕРТ. Отчего же? Есть. Вы с доктором старые знакомцы, так?

МИССИС ПИЧ. Доктор сделал много доброго для меня лично и для моей семьи.

РУПЕРТ. И вы теперь отдаете должок?

МИССИС ПИЧ. Простите, сэр, не понимаю...

РУПЕРТ. Помогаете ему объявить Фэй сумасшедшей, а доктор выделяет вам хороший куш.

МИССИС ПИЧ. Извините, у меня много дел.

*Она хочет уйти, Руперт преграждает ей путь.
Миссис Пич отводит взгляд.*

РУПЕРТ. Как все складно! Профессиональная сиделка подтверждает диагноз врача...

МИССИС ПИЧ. Прошу вас, мистер Грант...

РУПЕРТ. Держу пари, доверенность на имущество Фэй скреплена вашей свидетельской подписью!

МИССИС ПИЧ. Ошибаетесь!

РУПЕРТ. Фэй запирают в сумасшедший дом, а вы с доктором делите награбленное, благо есть что делить.

МИССИС ПИЧ. Это ложь!

Входит Сильверман со связкой ключей.

СИЛЬВЕРМАН. Что тут происходит?

РУПЕРТ. Так, болтаем о погоде.

МИССИС ПИЧ. Я хотела убрать бокалы.

РУПЕРТ. А где Браун? Вырвался, сбежал?

Сильверман смотрит на миссис Пич.

СИЛЬВЕРМАН. Не было его во дворе. Должно быть, увидел меня и дал деру. Хорошо хоть машину не угнал.

Миссис Пич идет с подносом мимо окон, останавливается, хочет поставить поднос на боковой столик у дивана и задернуть шторы. В это мгновение с той стороны окна из тьмы выплывает лицо, и кто-то тяжело наваливается на стекло. Миссис Пич вскрикивает, поднос летит на пол, окно-дверь распаивается под напором снаружи, в гостиную вваливается Браун. Его лицо и голова в крови, он падает. Руперт, Сильверман и миссис Пич окружают распростертое тело.

СИЛЬВЕРМАН. Мерть! Травма головы. Несовместимая с жизнью.

Руперт обыскивает Брауна, шарит по карманам.

РУПЕРТ. Посмотрим, тот ли мистер Браун, за кого себя выдавал. (Руперт достает какие-то документы.) Не тот, как я и предполагал. Удостоверение журналиста.

СИЛЬВЕРМАН. Вот оно как! Журналист.

РУПЕРТ. Ну да. И звали его, если верить удостоверению, Билл Хьюстон.

СИЛЬВЕРМАН. Билл Хьюстон?

РУПЕРТ. Знакомое имя?

Сильверман мнется.

СИЛЬВЕРМАН. Н-нет.

Руперт смотрит на него с подозрением.

РУПЕРТ. Независимый журналист, регулярный репортер газеты «Вашингтонская звезда». Фэй права: он вполне мог вести репортажи из Белого дома.

СИЛЬВЕРМАН. Возможно, пронюхал о связи Фэй с Виктором? Собирал компромат?

РУПЕРТ. И вполне мог сам сочинить интервью в «Голливудских сплетнях», якобы взятое у меня.

СИЛЬВЕРМАН. Он очень интересовался личной жизнью Фэй.

РУПЕРТ. Напрасный труд, этот пасквиль ему уже не накопать.

Руперт разворачивает сложенный пополам лист бумаги, оттуда выпадает листок поменьше.

СИЛЬВЕРМАН. Уронили что-то.

Руперт подбирает листок.

РУПЕРТ. Фотография.

СИЛЬВЕРМАН. Что на ней?

РУПЕРТ. Доказательство. Вы правы. Хьюстон, несомненно, явился за компроматом.

Входит Фэй с огромным кухонным ножом.

ФЭЙ. Что за грохот? Кажется, я велела всем приживалам убираться!

Сильверман встает, направляется к Фэй.

СИЛЬВЕРМАН. У нас тут происшествие.

ФЭЙ. Что такое? (Фэй замечает Брауна, вскрикивает, роняет нож.) Боже! Это еще кто?

СИЛЬВЕРМАН. Фэй, тебе лучше не смотреть.

РУПЕРТ. Мистер Браун.

ФЭЙ. Он что – мертв?

- РУПЕРТ. Этот не оживет.
- СИЛЬВЕРМАН. Мертв, вне всяких сомнений.
- ФЭЙ. Как это произошло?
- РУПЕРТ. Полагаю, на сей раз самоубийство исключается. Ваше просвещенное мнение, Сильверман?
- СИЛЬВЕРМАН. Помните, вы заметили какого-то человека во дворе? Как он выглядел?
- РУПЕРТ. Он всего на пару секунд мелькнул. Я толком не разглядел.
- ФЭЙ. На Брауне моя шуба!
- РУПЕРТ. Не беда, купим новую.
- ФЭЙ. Да я не о шубе беспокоюсь! Ты что, не понимаешь? Он вышел в МОЕЙ шубе. Его приняли за меня!
- РУПЕРТ. Кто принял?
- ФЭЙ. Люди из спецслужб. Понимаешь теперь? Это они во дворе прячутся.
- РУПЕРТ. Ну нет, для спецслужб слишком грубая работа.
- ФЭЙ. Видят: Браун в моей шубе... И опять другого человека вместо меня – бац!
- РУПЕРТ. Не факт. Вполне вероятно, что убить хотели именно Брауна.
- Сильверман прячет глаза.*
- ФЭЙ. Да никто не знал, что он здесь! Нет, они точно охотятся за мной!.. Но Виктор к этому не причастен.
- РУПЕРТ. Пожалуй, с мечтой о Викторе пора распрощаться.
- ФЭЙ. Он любит меня! Зачем ты говоришь такие ужасные вещи? (Фэй плачет. Руперт подходит к ней. Фэй подбирает нож, направляет на Руперта.) Стой! Не подходи.

РУПЕРТ. Фэй...

ФЭЙ. Я тебе не верю. Я никому не верю.

*Руперт подходит ближе. Нож упирается ему в грудь.
Он разводит руки в стороны. Секунду они стоят, не двигаясь.*

СИЛЬВЕРМАН. Фэй, не делай глупостей. Прошу тебя.

*Руперт осторожно отводит нож в сторону,
забирает из рук Фэй, обнимает ее, ведет к дивану.
Сильверман принимает нож у Руперта, убирает подальше.
Фэй рыдает.*

РУПЕРТ. Вот и умница, давай-ка здесь с тобой посидим. Понимаю, тебе сейчас скверно, но нам еще с полицией дело иметь. Надо держаться вместе. Ты должна нам верить.

СИЛЬВЕРМАН. Он прав, Фэй. Мы же на твоей стороне. С нами ты в безопасности.

РУПЕРТ. Что с Брауном будем делать?

СИЛЬВЕРМАН. Прикрою его чем-нибудь. Пусть лежит до приезда полиции.

ФЭЙ. Нет! Не хочу, чтобы он оставался в доме. Уберите его.

РУПЕРТ. Но я полагаю...

ФЭЙ. Руперт, прошу тебя! Я не хочу... не могу смотреть на кровь!

РУПЕРТ. Ладно-ладно, будь по-твоему. Пока посиди, а мы вытащим его во двор. Помогите, Сильверман. Или нет, лучше я сам. Не ровен час, вы тоже скопытитесь, вместе с вашей грудной жабой.

*Руперт вытаскивает тело во двор через окно-дверь.
Пока они вдвоем с Сильверманом закрывают дверь,
в гостиную успевают ворваться ветер, с воем и снегом.
Они прикрывают двери плотнее.
Входит миссис Пич с горячим шоколадом на подносе.
Сильверман идет к камину, подкладывает дрова.
У буфета миссис Пич разливает шоколад в чашки.*

МИССИС ПИЧ. Сварила горячего шоколаду, раз ужинать не желаете. У вас тут такие переживания! Следует подкрепиться.

РУПЕРТ. Шоколад как средство шокотерапии! Миссис Пич, вы неподражаемы. Но я, с вашего разрешения, выпью чего-нибудь покрепче. Составите компанию, Сильверман?

Руперт идет к буфету, разливает в бокалы бренди, разносит. Миссис Пич предлагает всем горячий шоколад.

СИЛЬВЕРМАН. Плесните мне немного бренди прямо в шоколад.

РУПЕРТ. Будьте благоразумны, доктор. Сами говорили: опасно смешивать напитки...

Руперт подает бренди Сильверману и Фэй.

ФЭЙ. Миссис Пич, мне шоколада не нужно. И будьте любезны, закройте плотнее шторы. (Фэй залпом опустошает бокал бренди. Миссис Пич идет поправить неплотно прикрытые шторы. Фэй обращается к Руперту.) Налей еще, пожалуйста.

Руперт смотрит на нее с сомнением.

РУПЕРТ. Принимая во внимание обстоятельства...

Руперт берет ее бокал, идет к буфету.

СИЛЬВЕРМАН. Что ж, будем пить шоколад и ждать, когда кончится метель...

РУПЕРТ. А что нам еще остается? Остальное – дело полиции. Который час?

МИССИС ПИЧ. Без двадцати одиннадцать.

РУПЕРТ. Как? Не может быть! У меня что же, часы остановились? Или ваши спешат, миссис Пич? Фэй, сколько на твоих?

ФЭЙ. На моих тоже без двадцати одиннадцать. Какая разница, который час? Вдруг убийцы все еще во дворе? Вдруг они догадаются, что убили не...

- РУПЕРТ. Фэй, хватит фантазировать. Вот мы с доктором точно знаем, что во дворе никого нет. Правда, доктор?
- СИЛЬВЕРМАН. Откуда мне знать?
- РУПЕРТ. Чем вы его порешили-то? Гаечным ключом?
- СИЛЬВЕРМАН. Я? Я до него пальцем не дотронулся!
- РУПЕРТ. А больше некому. Миссис Пич и я были в это время здесь, в гостиной, Фэй в кабинете. Во двор к Брауну выходили только вы.
- СИЛЬВЕРМАН. Послушайте...
- РУПЕРТ. Вы не моргнув глазом убили сначала Клару, а затем и Брауна.
- СИЛЬВЕРМАН. Да вы сумасшедший!
- ФЭЙ. Руперт! Что ты несешь?
- РУПЕРТ. Как и почему вы убили Клару, совершенно ясно: укол прямо в сердце – по вашим словам, адреналин, но возможно, что-то иное. Мотив: она могла подтвердить обвинения Фэй против вас.
- СИЛЬВЕРМАН. Говорите да не заговаривайтесь. У вас нет доказательств.
- РУПЕРТ. Отчего же – есть. Как вы объясните вот это?
- Руперт показывает фотографию.*
- ФЭЙ. Что это?
- РУПЕРТ. Эту фотографию я нашел в кармане у Брауна. Вы очень фотогеничны, Сильверман.
- ФЭЙ. У Брауна была фотография Генри?
- РУПЕРТ. Узнаете себя или как? (*Сильверман изучает фотографию.*) Странно, не правда ли? Ваше фото носит с собой репортер, мастер политической сенсации.
- ФЭЙ. А кто у нас репортер?

- РУПЕРТ. Браун на самом деле был репортером. И звали его Билл Хьюстон.
- СИЛЬВЕРМАН. Фотография ничего не доказывает.
- РУПЕРТ. Фотография доказывает одно из двух: либо он был в вас по уши влюблен, либо хотел точно знать, как выглядит главный герой его будущей статьи.
- ФЭЙ. Почему это Генри – главный герой? Он мой врач, не более того.
- СИЛЬВЕРМАН. Вот именно, при чем тут я? Если он собирал сенсационный материал...
- РУПЕРТ. Вопрос в том, какого рода сенсацию он готовил.
- СИЛЬВЕРМАН. Я уже говорил: Браун расспрашивал меня про связь Фэй и Виктора Скотта.
- ФЭЙ. Значит, он хотел написать обо мне и Викторе!
- РУПЕРТ. Не исключено. Но возможно он хотел написать о нашем добром докторе.
- СИЛЬВЕРМАН. Я не представляю ни малейшего интереса для «Голливудских сплетен».
- РУПЕРТ. Браун, то бишь Хьюстон, действительно печатался в желтой прессе, однако имя себе сделал как политический репортер. Охотился на ведьм вместе с сенатором Маккарти. Вам же это известно, Сильверман?
- СИЛЬВЕРМАН. Вместе с Маккарти людям жизнь портил. Искал красную чуму по всем углам.
- РУПЕРТ. Значит, вы с самого начала знали, кто он такой?
- СИЛЬВЕРМАН. Нет. Имя «Билл Хьюстон» я, конечно, слышал, но понятия не имел, как он выглядит.
- РУПЕРТ. Он фанатик. Коммунистов и прочих изменников готов был огнем жечь.

СИЛЬВЕРМАН. И причем тут я?

РУПЕРТ. Браун считал, что вы тайный коммунист! И, возможно, был недалеко от истины. Поэтому вы его и уколошили.

Сильверман допивает шоколад.

СИЛЬВЕРМАН. По вам сумасшедший дом плачет.

РУПЕРТ. У нашего доктора от всех болезней одно лекарство – сумасшедший дом!

ФЭЙ. Руперт, зачем так резко...

РУПЕРТ. Лучше вспомни, сколько раз доктор с твоего разрешения принимал в этом доме своих друзей – якобы тоже «психотерапевтов»?

ФЭЙ. Всего пару раз за лето, когда я уезжала во Флориду или Нью-Йорк.

СИЛЬВЕРМАН. И что из этого? Здесь спокойно, настоящая глушь.

РУПЕРТ. Вот именно. Никому не придет в голову искать здесь рассадник красной заразы.

ФЭЙ. Руперт, это уже чересчур.

РУПЕРТ. А ты задумайся, почему Сильверман одобрял твою связь со Скоттом, хотя слепому понятно, что она ведет в пропасть?

СИЛЬВЕРМАН. Да, одобрял! Потому что стабильные отношения для нее целительны!

РУПЕРТ. Врете как сивый мерин! Если бы Скотт пришел к власти, а ты стала первой леди, наш «целитель» оказался бы в самой гуще политических событий. Как твой личный врач он имел бы доступ к любым секретам! Хоть каждый день шифровки в Москву отправляй! Я угадал, Сильверман?

СИЛЬВЕРМАН. Вы... Я...

Сильверман хватается за сердце.

РУПЕРТ. Что с вами?

ФЭЙ. Что с тобой, Генри?

СИЛЬВЕРМАН. Опять приступ...

РУПЕРТ. Где саквояж?

СИЛЬВЕРМАН. Вон там.

*Руперт бросается к саквояжу,
ищет пузырек с нитроглицерином.*

ФЭЙ. Скорее!

РУПЕРТ. Не могу найти. (Он переворачивает саквояж, встряхивает содержимое на стул.) Держитесь, Сильверман, держитесь!

*Сильверману становится хуже.
Руперт продолжает лихорадочные поиски.*

ФЭЙ. Руперт, ради бога, скорее!

РУПЕРТ. Не могу найти. Таблеток нет!

Фэй бросается помогать.

ФЭЙ. Что искать?

РУПЕРТ. Маленький такой пузырек. (Фэй показывает ему пузырек.) Не то! Маленький, янтарный пузырек, написано «нитроглицерин». Он был в саквояже. Точно был!

*Сильверман наклоняется вперед, сползает со стула.
Фэй кидается к нему, трясет за плечи.*

ФЭЙ. Генри! Генри! Очнись!

Руперт подходит, щупает ему пульс.

РУПЕРТ. Все, поздно...

Фэй обнимает Сильвермана, плачет.

- ФЭЙ. Генри, мой милый Генри... Да что же это такое? Сначала Клара, потом Браун, а теперь Генри! Это все ты, со своими обвинениями. Ты его убил.
- РУПЕРТ. Я только сказал...
- ФЭЙ. Ты, ты довел его своими нападками до приступа! Он себя прекрасно чувствовал, пока ты не стал обзывать его коммунистом.
- РУПЕРТ. Нет, он весь вечер чувствовал себя неважно. У него уже был один приступ. Тогда я нашел нитроглицерин, а сейчас – нет.
- ФЭЙ. Может, плохо искал?
- РУПЕРТ. Плохо искал? (*пауза*) Минуточку. Ты на что намекаешь? Думаешь, я нарочно это подстроил? Чтобы он умер?
- ФЭЙ. Ведь Генри знал, что ты ворует у меня гонорары. Отчуждение собственности, между прочим.
- РУПЕРТ. «Отчуждение собственности»?
- ФЭЙ. А Браун, или как его там, мог написать о твоих делишках во всех газетах.
- РУПЕРТ. Ну уж нет, Браун охотился на дичь покрупнее, чем я.
- ФЭЙ. На какую дичь?
- РУПЕРТ. На тебя и Виктора. Он собирал материал о вашей связи. Не допустить этой публикации – вот твой мотив для убийства Брауна. А вот зачем тебе понадобилось убивать доктора? Пока не понимаю...
- ФЭЙ. Генри был прав, по тебе сумасшедший дом плачет.
- РУПЕРТ. Из-за доверенности? Или была другая причина? (*Фэй бродит по гостиной, оказывается около буфета с напитками.*) Может, он догадался... (*Фэй выдвигает ящик.*) Ты что-то ищешь?
- ФЭЙ. Бутылку бренди.
- РУПЕРТ. Да вон она стоит.

ФЭЙ. Эта уже открыта, а я ищу непочатую. В компанию к бедному Генри я не тороплюсь.

РУПЕРТ. Уверена, что бутылку ищешь? А не вот это ли вы ищете...
(вытаскивает из кармана револьвер.) ...Клара?

Фэй оборачивается.

ФЭЙ. Клара?! Что с тобой? Боже! А это гадость тебе зачем? Не целься в меня! Вдруг выстрелит? Ты же знаешь, я ненавижу оружие.

РУПЕРТ. Фэй ненавидела, да. А вы – не знаю.

ФЭЙ. Ты заболел? Я – Фэй.

РУПЕРТ. Нет, вы не Фэй. У вас ее лицо, ее голос, ее повадки. Точная копия, не отличишь. Но вы – Клара.

ФЭЙ. Руперт, прошу тебя, перестань. Ты меня пугаешь.

РУПЕРТ. В этом доме сегодня погибли три человека...

ФЭЙ. Да, погибли... И я точно знаю только одно: я их не убивала...

РУПЕРТ. Так и я не убивал!

ФЭЙ. Ну вот и давай держаться вместе, верить друг другу. За мной кто-то охотится.

РУПЕРТ. Только кто...

ФЭЙ. О боже, я знаю! Миссис Пич! Она вполне могла убить Клару и Брауна. И Генри тоже – наверное, это она спрятала таблетки.

РУПЕРТ. Миссис Пич? А ведь в самом деле...

ФЭЙ. Ну да. И ей как раз выгодно, чтобы мы с тобой подозревали друг друга.

РУПЕРТ. Весьма вероятно. Но есть одна закавыка.

ФЭЙ. Какая?

- РУПЕРТ. Убийца – вы.
- ФЭЙ. Руперт, опомнись...
- РУПЕРТ. Пока Браун находился во дворе, миссис Пич все время была здесь, со мной.
- ФЭЙ. Да что ты заладил?..
- РУПЕРТ. Поэтому миссис Пич – исключается. Как же я сразу не догадался!.. Ведь чуял: что-то здесь не то. Теперь все ясно! Вы хотите занять место Фэй, украсть ее жизнь, дом, карьеру, деньги...
- Фэй подходит к письменному столу.*
- ФЭЙ. Руперт, ты сколько лет меня знаешь? Кто-кто, а уж ты должен отличить меня от дублерши.
- РУПЕРТ. Вы – великолепная дублерша. Как вам это удалось? Пара косметических операций? Разумеется, Фэй с радостью их оплатила и получила возможность чаще видаться с Виктором.
- ФЭЙ. Руперт...
- РУПЕРТ. Слов нет, идея блестящая. На ней, кстати, строится сюжет последней картины Фэй, «Двойной игры». Даже придумывать ничего не пришлось. Вы – актриса не хуже Фэй.
- ФЭЙ. Клара – неплохая актриса, но я не надеялась, что ты клюнешь на эту удочку.
- РУПЕРТ. Тем не менее, клюнул. Принял вас за Фэй. Но потом раскусил.
- ФЭЙ. Руперт, умоляю, прекрати...
- РУПЕРТ. Я слишком хорошо знал Фэй. Вот на этом, дорогая Клара, вы и попались. И дело даже не в фобиях, коих у Фэй было великое множество...
- ФЭЙ. Я ненавижу оружие.

- РУПЕРТ. Да, оружие она ненавидела, эту фобию вы отыграли верно. Выдало вас другое. И даже не часы-ролекс, которые пропали у Фэй, а потом удивительным образом нашлись. Фэй-то считала, что часы украдены. Подозревала бедную миссис Пич...
- ФЭЙ. Они просто нашлись.
- РУПЕРТ. Выдала вас речь. Интонация у вас в точности, как у Фэй, а вот слова... Вы верно сказали: иное слово выдает человека с головой.
- ФЭЙ. Слова? Какие?
- РУПЕРТ. «Отчуждение собственности». Фэй вообще не знала, что это такое. И латыни не знала. Как там? «*Non compos mentis*»? Этот текст не для Фэй. И еще одна ошибочка – с нашей миссис Пич.
- ФЭЙ. Что не так с миссис Пич?
- РУПЕРТ. Я всегда просил Фэй быть с людьми повежливей. Но она упорно звала ее просто Пич, без всяких «миссис».
- Фэй обращивается, в руках у нее
направленный на Руперта револьвер.*
- ФЭЙ. Положите револьвер, Руперт.
- РУПЕРТ. Чудесное излечение от фобии? Кладите свою пушку или я стреляю.
- ФЭЙ. Кишка тонка.
- Руперт стреляет – щелчок, выстрела нет.
Он снова нажимает на спусковой крючок. Пустой щелчок.*
- КЛАРА. Неужели вы рассчитывали, что в ящике лежит заряженный револьвер? Кладите его на пол и вытаскивайте все из карманов. Выверните их наизнанку! Ну, живо...
- Руперт кладет револьвер на пол,
вытаскивает из карманов брюк связку ключей, мелочь,
пузырек с хлоргидратом. Выворачивает карманы.*

КЛАРА. Деньги, ключи, хлоргидрат. Снотворное вам точно не понадобится – спать будете мертвецким сном. Обещаю. Теперь из пиджака...

*Руперт вытаскивает что-то из кармана пиджака,
кладет на журнальный столик у дивана.
Выворачивает карманы.*

КЛАРА. А это что за пузырек?

*Клара приближается к столику,
движением револьвера велит Руперту отступить назад.
Берет со столика пузырек.*

КЛАРА. Руперт, да у вас целая аптека. Нитроглицерин? Таблетки Генри!

РУПЕРТ. Я не знал...

КЛАРА. А если честно?

РУПЕРТ. Я забыл...

КЛАРА. Внезапный старческий маразм? Знаете, какое от него лучшее лекарство? Смерть.

РУПЕРТ. После первого приступа у Сильвермана я по рассеянности сунул их в карман!

КЛАРА. И помогли Генри отправиться на тот свет...

РУПЕРТ. Неправда. Я его не убивал!

КЛАРА. Хотя очень хотели... *(Пауза.)* А ведь мы сейчас финал «Двойной игры» как по нотам разыгрываем, да? Заключительная сцена фильма, ссора между супругами. Вот муж: проворовался, запутался в игорных долгах и любовных интрижках... А вот жена, отчаявшаяся, измученная, униженная и оскорбленная! По сценарию, Фэй – то есть, я – заряжает револьвер. Давайте и мы с вами зарядим. *(Клара вытаскивает из кармана патрон, кладет на журнальный столик, затем подбирает с пола и кладет рядом с патроном револьвер.)* Заряжайте, Руперт, не стесняйтесь!

Руперт не двигается.

- РУПЕРТ. Можете мне не верить, но я не умею.
- КЛАРА. Руперт, не притворяйтесь! Защелка сбоку, откиньте барабан влево. *(Руперт берет револьвер, следует указаниям.)* Возьмите патрон. Заложите в любую ячейку. *(Руперт подчиняется.)* Закрывайте. Так. Теперь прокрутите барабан. Нет, еще раз – с закрытыми глазами. *(Руперт делает, как она велит.)* Не открывайте глаз. Положите револьвер на столик. *(Руперт кладет револьвер.)* Отличный револьвер, не находите? Легчайший корпус, весит всего 400 граммов. Укороченный ствол, но при этом высокая точность стрельбы. Компактная рукоятка – как раз для женской ладони. Уговорить Фэй на эту покупку было нетрудно.
- РУПЕРТ. Вы кого угодно уговорите. Что у нас дальше?
- КЛАРА. Дальше у нас финальная сцена. Ритм отбиваем выстрелами. Зрители замерли, почти не дышат! В барабане только один патрон, и когда раздастся роковой выстрел – неизвестно. В нашем фильме я – разумеется, под именем Фэй – сыграю эту сцену блестяще и получу, наконец, заслуженное признание и пару номинаций на премии. Может, и «Оскара» дадут. Особый блеск моей игре придадут реально испытанные переживания, личный опыт убийства...
- РУПЕРТ. Клара, положите револьвер, игра зашла слишком далеко...
- КЛАРА. Молчите! У мужа в этой сцене реплик нет.
- РУПЕРТ. Ну тогда пристрелите меня сразу, чего тянуть. Стреляйте!
- Клара наводит на него револьвер. Руперт зажмуривается. Клара стреляет. Осечка. Руперт облегченно выдыхает.*
- КЛАРА. Нет, сразу – слишком просто и неинтересно. Будем действовать точно по сценарию. Теперь шансы – один из четырех, это еще интереснее. У этой модели Смит и Вессон барабан всего на пять патронов – ну и хорошо, слишком затягивать сцену тоже ни к чему. Видите ли, Руперт, наша Фэй была первоклассной шантажисткой. Раскопать тайный порок, который человек от всех скрывал, и использовать против него – для Фэй это было раз плюнуть.
- РУПЕРТ. Не понимаю, о чем вы.

- КЛАРА. Прекрасно понимаете. Фэй позволяла вам красть у нее крупные суммы и финансировать новые фильмы, но только до поры. Пока она играла в них главные роли. Но когда вы задумали променять ее на другую звезду, она не просто разозлилась – она рассвирепела.
- РУПЕРТ. Бред какой-то...
- КЛАРА. А вы ведь ко всему еще и картежник... Очень дорогое удовольствие!
- РУПЕРТ. Подождите...
- КЛАРА. Вам было бы очень кстати, если бы Фэй умерла и унесла с собой вашу маленькую тайну.
- РУПЕРТ. Но я ее не убивал!
- КЛАРА. Нет, вы – нет. *(Она снова поднимает револьвер, собирается действовать «по сценарию».)* Ну-с, куда пальнем на этот раз? *(Она подходит к Руперту, приставляет револьвер к его виску.)* Пожалуй, сюда? Хотя, конечно, кровищи будет...
- Она спускает курок. Осечка.
Руперт открывает глаза.*
- КЛАРА. Один из трех. Еще интереснее.
- РУПЕРТ. Что же, вы будете всю жизнь жить под ее именем?
- КЛАРА. Почему бы и нет? Я уже целый год успешно репетирую. В любом случае, актриса-то я посильнее вашей Фэй.
- РУПЕРТ. Вы ее и убили, верно?
- КЛАРА. Строго говоря, нет. Убил ее этот идиот Сильверман. Довел до полусмерти транквилизаторами. А тут вы с вашим снотворным подоспели – пара капель, и она в лучшем из миров. Ирония судьбы в том, что самого Сильвермана тоже отравили – медленно, но верно.
- РУПЕРТ. Что? Как это?..
- КЛАРА. Есть такая жидкость – антифриз.

- РУПЕРТ. Боже милостивый!
- КЛАРА. Охлаждает, но не дает замерзнуть. Вкус имеет приятный, сладкий. Идеально сочетается с горячим шоколадом. Действует не так быстро, как цианистый калий, но весьма ядовит. Запомнили? Ан-ти-фриз. Жидкость от замерзания.
- РУПЕРТ. И от посмертного окоченения.
- КЛАРА. Руперт, я всегда ценила ваши шутки.
- РУПЕРТ. А что с этим репортером, Брауном, то есть, Хьюстоном? Он мог все испортить, верно? Явился подсобрать материала на Фэй и Виктора и стал свидетелем смерти дублерши. Он бы, конечно, побежал с таким ценным материалом в газеты, и вам пришлось его убрать...
- КЛАРА. О нем никто не пожалеет. Он многим поперек горла.
- РУПЕРТ. Не пожалеют, но пропажу заметят. Будут искать.
- КЛАРА. Так у нас же здесь небезопасно. Решат, что он в Адовы штольни провалился.
- РУПЕРТ. Полагаю, нам всем придется за ним последовать?
- КЛАРА. Правильно полагаете.
- РУПЕРТ. Исчезает Браун, исчезаем мы с Сильверманом... Довольно подозрительное совпадение получается. Не смущает?
- КЛАРА. Ничуть. Генри всегда мечтал о кругосветном путешествии – объявим, что вышел на пенсию, да и отчалил. А с вами поступим так: вы меня годами обворовывали, чтобы отдавать карточные долги. Один из ваших партнеров-картежников слишком настойчиво требует с вас должок, вы не хотите скандала и решаете сбежать. *(Она снова наставляет на него револьвер, стреляет. Осечка. Руперт отшатывается.)* Счастливчик!
- РУПЕРТ. Счастливее некуда. А что будет с миссис Пич? Она тоже провалится в Адовы штольни?

- КЛАРА. Наша добрейшая миссис Пич! О ней можно не беспокоиться, она нас не выдаст. А выдаст – попадет на электрический стул.
- РУПЕРТ. За что?
- КЛАРА. Тридцать лет назад она убила своего мужа. Говорит, самозащита, бил он ее вроде. Даже если и так, рисковать она не захочет.
- РУПЕРТ. А Сильверман об этом знал, и поэтому его тоже следовало...
- КЛАРА. Так, сколько выстрелов нам осталось?
- РУПЕРТ. Погодите, давайте лучше договоримся. Я могу быть вам полезен, у меня связи...
- Она подходит, направляет револьвер на Руперта, примеривается, куда выстрелить.*
- КЛАРА. Ну-с, куда на сей раз? Ваши пожелания? Может, сюда? (*направляет револьвер ему в промежность*) Слушайте, а ведь я не до конца вошла в роль. Моя героиня... она же не умеет обращаться с оружием. Она его в глаза никогда не видела. Я неправильно играю, вот что. Нужно дать нерв, возбуждение. Вы как считаете?
- РУПЕРТ. Умоляю вас, я...
- Она спускает курок – осечка. Руперта бьет дрожь.*
- КЛАРА. Везет как утопленнику – любимая присказка моей маменьки. Но мы отклонились от сценария. В «Двойной игре» револьвер стреляет с третьей попытки, если не ошибаюсь.
- РУПЕРТ. Не ошибаетесь... Вы актриса посильнее, чем Фэй, в этом вы правы. Даже посильнее, чем Ингрид и Мэрилин. Я вам помогу. Мои связи плюс ваш талант... Это беспроигрышная комбинация... Для нас обоих.
- КЛАРА. Вопрос в том, могу ли я вам доверять.
- РУПЕРТ. Разумеется, можете! Дайте мне шанс. «Двойная игра» - отличная площадка для взлета. Киностудии передерутся за право вас снимать. Я выторгую вам неслыханные гонорары.

- КЛАРА. Что ж, соблазнительно.
- РУПЕРТ. И насчет номинаций вы правы. «Оскар» вам обеспечен. Вы же гениально играете. Вот смотрю сейчас на вас и каждому слову верю.
- КЛАРА. Это потому, Руперт, что я играю совершенно правдиво, по Станиславскому. Я *верю*, что собираюсь вас пристрелить.
- РУПЕРТ. Понял, понял... Но умоляю, давайте оставим это, давайте договоримся.
- КЛАРА. Актер работает на эмоциях. Проживает на сцене события, которые сформировали его героя. Я не знаю, что чувствуют, когда стреляют и убивают, и мне хочется это испытать. Актерская разминка, ничего личного. Между прочим, остался последний выстрел.
- РУПЕРТ. Клара...
- КЛАРА. Возьмите вон там подушку, прижмите к лицу.
- РУПЕРТ. Что? Зачем? Я...
- КЛАРА. Без разговоров. Не хочу видеть, как пуля разнесет вам лицо.
- РУПЕРТ. Клара, вы совершаете огромную ошибку...
- КЛАРА. Фэй. Меня зовут Фэй. Если вы даже этого не можете запомнить, как же вас не пристрелить? Руперт, я вас просила закрыть подушкой лицо.
- Руперт берет подушку.*
- РУПЕРТ. Послушайте, Клара... Послушай... дорогая Фэй...
- КЛАРА. Не лицемерьте, Руперт, вам это не идет.

*Клара поднимает револьвер,
одновременно резкий порыв ветра распахивает окно-дверь.
Клара оборачивается, на мгновение отвлекается.
Руперт бросается к ней, швыряет в нее подушкой.
Завязывается борьба, Клара роняет один револьвер на пол.
Руперт пытается вырвать у нее из рук второй.*

*Клара сопротивляется, второй револьвер отлетает в другой конец сцены.
Открывается дверь, входит миссис Пич.
С одного взгляда оценивает ситуацию.*

РУПЕРТ. Миссис Пич! Слава богу! Револьвер... Поднимите! Оба!

*Миссис Пич подбирает с пола оба револьвера, стоит в нерешительности.
Руперт и Клара встают.*

РУПЕРТ. Это не Фэй, это Клара. Она хочет выдать себя за Фэй, жить под ее именем. Фэй лежит мертвая наверху. А это Клара, убийца. Она убила Брауна и Сильвермана, чуть было и меня не прикончила. Телефон уже работает?

МИССИС ПИЧ. Не знаю...

РУПЕРТ. Прицельтесь в нее. Если шевельнется – стреляйте. (*Руперт поднимает трубку, слушает.*) Проклятье! (*кладет трубку*) Не работает. Черт... Давайте свяжем ей руки. Когда утихнет метель и включат телефон, вызовем полицию. Или сами ее туда отвезем.

КЛАРА. Ничего не выйдет.

РУПЕРТ. Клара, на вас в упор наведен револьвер. Из этого переплета вам не выкрутиться.

Свет снова мигает.

КЛАРА. Ошибаетесь, Руперт... Играем финал. Наступил момент истины. Знакомьтесь – моя маменька!

*Руперт отрывает взгляд от Клары, смотрит на миссис Пич.
Миссис Пич переводит револьвер с Клары на Руперта.*

ЗАТЕМНЕНИЕ

Выстрел.

КОНЕЦ